

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СМЕРТЬ КАК ИСКУССТВО

МАСКИ

ДЕЛО ВЕДЕТ
КАМЕНСКАЯ

Каменская

Александра Маринина
**Смерть как искусство.
Том 1. Маски**

«Автор»

2011

Маринина А.

Смерть как искусство. Том 1. Маски / А. Маринина — «Автор»,
2011 — (Каменская)

ISBN 978-5-699-36298-1

«Жизнь – театр, а люди в нем – актеры». Известное шекспировское изречение как нельзя лучше подходит к новому роману королевы современного детектива Александры Марининой. Ведь Театр – не только высокое искусство, он как живой организм, не терпящий лжи, предательства и порой мстящий очень жестоко. В театре «Новая Москва» совершается загадочное и непонятное для окружающих преступление – покушение на режиссера и художественного руководителя Л. А. Богомолова. Теперь уже частный детектив Анастасия Каменская и молодой оперативник с Петровки Антон Сташис приступают к расследованию, которое приводит их к удивительным и неожиданным результатам. Подозреваемых много, все они лгут, и у каждого для этой лжи есть свои причины: и родительская любовь, и слепая страсть, и гнусный шантаж, и жажда успеха, достаемого слишком дорогой ценой, и страх разоблачения. Казалось бы, все вращается вокруг Театра, но одно маленькое, вроде бы незначительное событие, уходящее корнями в прошлое и ставшее в результате роковым, порождает новое зло. И сегодня пришло время восстановить справедливость...

ISBN 978-5-699-36298-1

© Маринина А., 2011

© Автор, 2011

Александра Маринина

Смерть как искусство. Маски

Просто вы не знаете, что такое театр. Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...

М. Булгаков. «Театральный роман»

У подполковника Сергея Кузьмича Зарубина были две слабости. Даже не слабости, а так, обстоятельства. Первое: у него чрезвычайно маленький для подполковника милиции рост, но это не порождало у Сергея Кузьмича никаких комплексов, а напротив, служило поводом для всяческого подшучивания над самим собой. И второе: он не любил артистов. Ну, не то чтобы совсем не любил, боялся он их. И даже не то чтобы совсем уж боялся, просто опасался и как-то сторонился. Дело в том, что отец Сергея Кузьмича, незабвенный Кузьма Сергеевич Зарубин, очень любил играть в самодеятельном театре, при этом лупил сынка почем зря и периодически напивался по-черному, а мама Сергея говорила, утирая слезы то сыночку, то себе самой:

– Папка у нас с тобой человек творческий, надо с пониманием относиться.

С каким таким пониманием надо было относиться к ремню и бутылке, Сережа не знал, но с детства у него сложилось твердое убеждение, что люди творческие, и в особенности артисты, – это те, понять кого ему не дано никогда. И лучше всего дела с ними не иметь.

Но иметь дело, судя по всему, придется, потому что, когда совершается покушение на художественного руководителя театра, избежать общения с артистами и прочей творческой публикой никак не возможно. А как с ними общаться? Это же всю голову сломаешь! Надо заметить, что в свое время к женитьбе друга и начальника Юрия Викторовича Короткова на актрисе Ирочке Савенич Сергей Зарубин отнесся вполне индифферентно. Ирка ему нравилась, она была своя в доску, простая, понятная, ужасно красивая, ужасно веселая и ужасно вкусно умела готовить. Какая-то она была обыкновенная, совсем не артистическая, не творческая, без всяких там специфических особенностей. Так что, наверное, не все артисты такие, с вывертом, что и не понять ничего. Однако слишком хорошо Сергей Кузьмич помнил своего батюшку, не будь он тем помянут. А жену Короткова продолжал считать редким исключением из общего правила.

Как бы эдак вывернуться, чтобы все-таки с артистами работал кто-нибудь другой? Покушением на режиссера Богомолова занимались два опера с территории, на которой находилось место происшествия, но они отрабатывали версию о том, что на художественного руководителя театра «Новая Москва» напали или случайные бандиты, или местная шпана, а тот факт, что у него ничего не взяли, может свидетельствовать о том, что преступников просто спугнул запоздалый прохожий или совершавшая объезд машина патрульно-постовой службы. Оперативники с территории шерстили уголовников и хулиганов, поднимали агентуру, если она у них вообще была, искали очевидцев, в общем, совершали рутинную, скучную, но обязательную в таких случаях работу. Через два дня после покушения к делу подключили Петровку, а конкретно – Сергея Зарубина и нового сотрудника Антона Сташиса, пришедшего в отдел пару месяцев назад из Восточного округа Москвы. Сергей вместе со следователем Блиновым отрабатывали версию, связанную с отношениями Богомолова в высоких управленческих кругах, а также с возможными финансовыми нарушениями или махинациями. А всем, что связано непосредственно с театром, занимался один Антон, молодой и не особо опытный. А театр-то – не кот начхал, двести человек как одна копеечка. Ну куда молодому зеленому оперу такую машину поднять? Понятно, что Сергей должен вместе с ним по театру работать. Но до чего ж не хочется... Смех смехом, а ему, подполковнику милиции, даже порог здания театра переступить страшно.

Зарубин с тоской подумал о том, что сегодня День милиции, 10 ноября, но отметить праздник в кругу друзей-коллег вряд ли удастся. И вместо того чтобы радостно поднимать бокал за прошлые и будущие служебно-розыскные успехи, он должен сидеть и разговаривать с родственником потерпевшего Богомолова, родным братом его жены, на предмет: не жаловался ли Лев Алексеевич на финансовые трудности, не рассказывал ли, что на него «наезжают». Может быть, он в кругу семьи упоминал о ярых завистниках или о людях, которые его за что-то ненавидят? Конечно, правильнее было бы все эти вопросы задавать все-таки жене Богомолова, а не ее брату, но жена потерпевшего для разговоров совсем не пригодна, она днями и ночами сидит в больнице и ждет, никак от шока оправиться не может. А Лев Алексеевич лежит с проломленным черепом в реанимации без сознания, и что будет дальше – врачи прогнозировать не берутся. У них один ответ: мозг – структура, до конца далеко не познанная, как он себя поведет – никто не знает, может, больной придет в себя через пять минут, а может, через пять месяцев.

Брат жены Богомолова, мелкий бизнесмен Вадим Дмитриевич Вавилов, крепенький и плешивенький, совершенно не похожий на свою красавицу сестру, явно переживал и за нее, и за деверя и очень хотел быть полезным, старательно вспоминал все, что когда-либо за время знакомства слышал от Богомолова, но пока во всех этих воспоминаниях не было ничего, проливающего свет на причины преступления или хотя бы позволяющего выстроить очередную версию. И Зарубин решился. Идея осенила его примерно полчаса назад, и он, задавая вопросы Вавилову и выслушивая его ответы, параллельно пытался оценить то, что пришло ему в голову. И чем больше оценивал, тем больше собственная идея ему нравилась.

– Вадим Дмитриевич, вы хотите, чтобы покушение на Льва Алексеевича было раскрыто?

– О чем вы, Сергей Кузьмич?! Разумеется, хочу.

– И вы готовы платить за это?

– Кому? – несказанно изумился Вавилов. – Вам? Это что, новые правила такие?

– Видите ли, Вадим Дмитриевич, – терпеливо принялся объяснять Зарубин, – вы сами говорите, что Лев Алексеевич – человек тяжелый, неуживчивый, грубый, не сдержанный на язык, а если так, то врагов у него видимо-невидимо. А наши милицейские силы и возможности весьма и весьма ограничены, на одно дело никак не выделить столько сотрудников, сколько требуется, потому что есть и другие дела, а сотрудников все-таки не хватает. Если вы действительно заинтересованы в том, чтобы преступник был найден, я готов подсказать вам один вариант. У нас на Петровке много лет работал сотрудник, которого можно было бы привлечь к работе. Но это будет стоить денег.

– Что, бывшие милиционеры все такие корыстные? – усмехнулся Вавилов. – За идею работать не хотят?

– Бывшие милиционеры работают не за идею, а за зарплату, впрочем, как и действующие, – холодно откликнулся Зарубин. – Человек, о котором я говорю, работает в частном детективном агентстве, и его время стоит денег, потому что оно – рабочее, а свободного времени у сыщиков не бывает. Вы готовы платить?

– А вы гарантируете результат?

– Гарантирую.

Зарубин очень старался, чтобы голос его прозвучал твердо, но ему самому послышалась некоторая неуверенность. Настя Пална, конечно, человек надежный, но кто его знает... Все-таки театр – это тебе не бандитская группировка.

– У меня нет свободных денег, – ответил Вавилов, немного подумав. – Масштаб моего бизнеса не так велик, как вам, вероятно, кажется. Но если вы уверены в целесообразности того, что предлагаете, я найду деньги, это моя проблема.

И Зарубин с облегчением перевел дух.

– Ну купи, Настенька, сделай себе подарок ко Дню милиции, – уговаривала Настю Каменскую Ирина Савенич. – Смотри, как тебе идет.

Настя добросовестно смотрела в высокое зеркало и признавала, что да, действительно, этот темно-серый трикотажный костюм, с узкой юбкой чуть ниже колена и облегающим коротким пиджаком, ей очень идет. Костюм ей нравился, а вот цена – нет. Но для нее главное – уловить идею, понять, из каких тканей и какого фасона и цвета вещи хорошо сидят на ней и не делают еще более блеклой ее и без того бесцветную внешность, которую Настя категорически отказывалась совершенствовать при помощи макияжа. На макияж нужно тратить время, а времени ей жалко. С тех пор как Настя стала работать в частном детективном агентстве у своего старинного друга Владислава Стасова, у нее появились деньги, и она в принципе нет-нет да могла бы позволить себе купить какую-нибудь по-настоящему дорогую одежду известной фирмы. Но тут Настя была непреклонна: в бутике она только примеряет и прикидывает, а потом ищет аналогичные вещи в магазинах с «человеческими», а не заоблачными ценами.

Жена Настиного брата Александра Каменского Даша была владелицей как раз такого вот бутика, забитого до отказа брендовыми шмотками, и каждый раз, приезжая сюда для «примерок и прикидок», Настя выслушивала Дашкины уговоры что-нибудь купить, но ни разу не отступила от собственных правил: переплачивать за бренд она не собирается, деньги не на улице нашла, а честно заработала и цену им знает очень хорошо. Сегодня натиск был удвоен: вместе с Настей к Даше приехала и жена Юры Короткова Ира, которая, в отличие от самой Насти, делала в Дашином магазине покупки с нескрываемым удовольствием и при этом не уставала причитать:

– Господи, какая же я толстая корова! На меня совершенно ничего нельзя подобрать, мне все мало. Если бы я была такой худышкой, как ты, Настюша, я бы уволокла весь магазин на себе. Ты какую вещь ни возьмешь – на тебе все отлично сидит, а я пока найду хоть что-нибудь – рак на горе свистнет.

Все-таки Ире удалось найти платье, которое хоть и обтянуло ее аппетитные формы, но выглядело на ней отлично и даже делало стройнее. Поняв, что уговорить Настю на покупку не удастся, Даша горестно вздохнула и повела своих гостей в кабинет пить кофе.

– Как Юрка? – спросила Настя Иру. – Справляется? Или скучает?

Вопрос был не праздным. Юрий Коротков был старше Насти и в отставку с должности заместителя начальника отдела ушел раньше ее. Сначала он попытался устроиться в частной фирме, но очень быстро выяснилось, что мужчины его возраста и квалификации востребованы только в одном направлении: уметь решать вопросы и заносить конверты. В первый же раз, как только Коротков позвонил по телефону, указанному в объявлении о том, что требуются сотрудники в службу безопасности, его открытым текстом спросили:

– В каких службах можете решать вопросы?

Тогда он подумал, что ему просто не повезло, и позвонил еще в несколько мест, разместивших такие же объявления. Однако вопросы он услышал те же самые. Что же касается конвертов с деньгами, которые нужно будет «заносить», тут никто ничего впрямую не говорил, но Юре хватило ума самому догадаться.

Он загрустил и чуть было не запил, и тут подвернулся Александр Каменский со своим банком, у которого был, помимо всего прочего, и целый ряд непрофильных объектов.

– Пойдешь директором пансионата в Подмоскovie? – предложил Александр.

Первой реакцией полковника в отставке Короткова был категорический отказ. Он, профессиональный сыщик, милиционер с тридцатипятилетним стажем, – и директор пансионата? Это же курам на смех! Однако время шло, а такой работы, которая заинтересовала бы Короткова и не отпугивала тем, что ему претило, так и не появлялось. И он, скрипнув зубами, принял предложение банкира Каменского.

С тех пор прошло пять лет, и совершенно неожиданно для себя самого Коротков увлекся и загорелся своей работой. Энергичный, инициативный, трудяга, он все время что-то придумывал и усовершенствовал: то стал создавать оздоровительный комплекс, то вводил в столовой разные программы питания – для вегетарианцев, диабетиков, язвенников, детей, то специальные детские программы, чтобы освободить родителей и дать им возможность провести время в фитнес-центре или все в том же оздоровительном комплексе с разнообразными СПА. Кроме того, Юра как человек, который отнюдь не понаслышке знал, до чего доводит пустое времяпрепровождение с водкой, старался максимально занять вечера отдыхающих разными культурными мероприятиями, и в этом ему очень помогло то, что пансионат располагался в живописном месте на берегу озера. Как-то, по случаю, его жена Ирина порекомендовала режиссеру, у которого в тот момент снималась, при выборе натуры обратиться к Короткову. Юра колебался недолго, разрешение на съемки на огромной территории пансионата дал, но взамен договорился, что, помимо официальной оплаты через бухгалтерию, будут проводиться творческие вечера с актерами для отдыхающих во всех заездах на протяжении всего периода съемок. Период оказался длительным, потому что снимали сериал, действие которого происходило как раз на берегу озера, и практика встреч с известными артистами и режиссерами стала для пансионата привычной. После этих съемок последовали и другие, уж больно красивой оказалась местность и превосходными – условия работы, а Коротков через Ирину и режиссеров, с которыми знакомился, стал регулярно приглашать экранных звезд на радость всем обитателям вверенного ему пансионата.

Так что с работой у Юры все утряслось, а вот с семьей нелады продолжались. Ира была его второй женой, от первого брака у него остался сын. Сын женат, у него растет дочка, и все они живут вместе с первой женой Короткова Лялей. Главная беда состояла в том, что сын и его супруга крепко пристрастились к алкоголю и Ляля ничего не может с этим поделать. Конечно, Коротков тоже вмешивался неоднократно, и вел с сыном жесткие мужские разговоры, и пугал, и ругал, и устраивал на лечение, но молодой человек, сначала соглашаясь лечь в больницу, через три-четыре дня убегал оттуда, и все начиналось сначала. И Юрий задумал отсудить пятилетнюю внучку у сына, чтобы воспитывать ее вместе с Ириной, у которой детей быть не может. Ира сразу согласилась, ей так хотелось, чтобы у них с Юрой была полноценная семья с детьми, но Коротков все не мог решиться на первый шаг: все-таки это не шутка – затевать судебную тяжбу с собственным сыном. А то, что судиться придется, не вызывало сомнений, потому что предложение отца решить дело полюбовно и просто отдать девочку деду на воспитание без каких либо правовых оснований было встречено сыном и невесткой категорическим, хотя и немотивированным отказом.

– Юра хочет еще раз попробовать договориться, – вздохнула Ирина, потряхнув пышными смоляными кудрями. – Все-таки родной сын, никуда от этого не денешься. Жалко его.

– Но ведь малышку тоже жалко, – заметила Даша. – Как она будет расти рядом с вечно пьяными родителями? Что из нее получится в результате?

– Ничего хорошего, – согласилась Ирина. – Будем надеяться, что Юрка найдет какие-то слова, которые их убедят. Не хочется дело до суда доводить. Кстати, девочки, двадцать третьего ноября Юрка назначил мне встречу с отдыхающими в своем пансионате. Приезжайте, а?

– Да мы тебя и так видим, – рассмеялась Настя. – Зачем нам для этого в пансионат ехать?

– Ну при чем тут я? – возмутилась Ира. – Не ради встречи со мной вы приедете, а ради Юрки, он будет страшно рад вас видеть, шашлычки сделаем, на лошадаках покатаемся. Ну правда, приезжайте, Дашка детей возьмет, ты, Настя, Чистякова своего привези, и будет у нас настоящий семейный выезд.

– Идея хорошая, – кивнула Даша, – только давайте я без Саши поеду.

Ира понимающе усмехнулась, а Настя не поняла и спросила:

– Почему без Саньки? Как же без него? Ведь он над этим пансионатом самый главный начальник.

– Вот именно поэтому и не надо ему туда ехать просто так, – пояснила Даша. – Если с инспекцией – это одно дело, а если отдыхать, это же весь персонал будет на ушах стоять. Ну как же, сам Каменский явился! Будут трястись, как осиновые листья, не зная, как встать, как подать, как сказать, как угодить. На фига это надо – так людей напрягать? Мы и без него отлично время проведем. Настя, по-моему, у тебя телефон в сумке надывается.

Настя прислушалась. Действительно, надывается, тоненько так, жалобно. Сумка стоит далеко, странно, что Дашка даже в пылу разговора услышала такой негромкий звук. Она потянулась к сумке и поняла, что не достанет, придется вставать. Вставать не хотелось.

Но пришлось.

– Каменская, ты где спряталась? Я уже в третий раз тебе набираю, а ты все не подходишь, – загудел в трубке зычный бас Стасова.

– Я у Даши, ты же сам меня отпустил, – растерянно ответила Настя, у которой сегодня, в День милиции, был совершенно законный выходной после сданного отчета о выполнении очередного задания.

– Как отпустил, так и отменяю твой отпуск, – отрезал Стасов. – Прыгай в машину и дуй в контору. Тут у меня сидит твой задушевный дружбан Серега Зарубин, у него есть интересное предложение.

Настя сама удивилась, насколько обрадовал ее этот звонок. И чего она так радуется? Ведь сидит же с девчонками, которых любит и которых давно знает, пьет вкусный крепкий кофе, ест вкусные маленькие пирожные, которые Дашка покупает специально для нее в соседнем ресторане, обсуждает милые женские вопросы, такие непринципиальные и в то же время такие важные. И вдруг – на тебе, бросай все и езжай на работу. Да от этого кто угодно взбесится! Кто угодно. Только не Настя Каменская.

Ей повезло. Иногда бывает, что, пока доедешь куда-нибудь, все пробки соберешь, а случается – пролетишь стрелой без единой задержки. Вот как сегодня. Наверное, это ей персональный подарок судьбы ко Дню милиции. Через сорок минут Настя уже парковала свой серебристый «Пежо» в Перово возле дома, где располагался офис агентства «Власта».

Она заглянула в приемную Стасова, и секретарь сказала, что ее ждут в переговорной. Распахнув дверь, Настя увидела за большим столом Стасова, Сережку Зарубина и еще какого-то полноватого плешивого дядьку. Интересно, кто это может быть?

– Знакомьтесь, это наш лучший специалист по преступлениям против личности Анастасия Павловна Каменская, – представил ее Стасов плешивому. – А это, – он бросил короткий взгляд на лежащую перед ним визитную карточку, – Вадим Дмитриевич Вавилов.

Плешивый привстал со своего места и крепко пожал Насте руку. Ладонь у него была сухая, теплая и шелковистая, что совсем не вязалось с его общим обликом. Настя с трудом сдержала улыбку.

– Сергей Кузьмич очень рекомендовал мне обратиться именно к вам, – произнес Вавилов. – Речь идет о покушении на жизнь мужа моей сестры.

– Позвольте, Вадим Дмитриевич, я сам изложу коллеге суть вопроса и все обстоятельства, – прервал его Зарубин. – Я полностью владею всей информацией, и мы с Анастасией Павловной сами договоримся о разделении сфер деятельности. Верно я говорю, Настя Пална?

Насте на мгновение стало неприятно. Ее ни о чем не спрашивают, никому не интересно, что она думает и чего хочет, за нее уже все решили, за ее спиной договорились, в общем, сторговали, как лошадь на базаре, и теперь Сережка Зарубин уже считает, что вопрос стоит только о разделении полномочий и раздаче заданий, а вовсе не о ее согласии. Но тут же осекла сама себя: она что, с ума сошла? Какое согласие? Какое мнение? Кого оно должно интересовать? Она здесь наемный работник, она в штате, получает зарплату и должна делать, что велят. У

нее есть начальник, Владик Стасов, вот его мнение действительно имеет значение. В конце концов, Стасов дает ей возможность работать по специальности, и за это ему огромное спасибо. Настроение моментально улучшилось, и Настя лучезарно улыбнулась сначала Зарубину, который в ответ почему-то подмигнул ей, а потом и Вавилову, который посмотрел на нее растерянно и одновременно благодарно, как будто ждал, что она может отказаться, и радовался, что не отказалась.

Стасов увел Вавилова к себе в кабинет подписывать договор, а Зарубин остался с Настей в переговорной и принялся рассказывать о покушении на художественного руководителя театра «Новая Москва» Льва Алексеевича Богомолова. У Богомолова, конечно, есть враги и вне театра, но с ними Зарубин вместе со следователем как-нибудь разберется, да и опера с «земли» подключатся, а вот театр им уже не потянуть. Собственно, заказ и состоит в том, чтобы Настя оказывала консультативную и методическую помощь молодому сотруднику Антону Сташису, который пришел в ее бывший отдел совсем недавно и еще пока мало что умеет в деле раскрытия тяжких преступлений против личности.

– А кто следователь? – спросила Настя.

– Колька Блинов, – ответил Зарубин.

Ну понятно, Николай Николаевич Блинов был для Сережи Зарубина просто Колькой, ибо за многие годы не одна бутылка водки была выпита ими вместе в честь удачного завершения расследования. Но все-таки одно дело – дружба с Зарубиным, и совсем другое – отношение к тому, что рядом с оперативниками будет крутиться частный детектив. Это уж как-то совсем ни к селу ни к городу, ни один следователь этого не потерпит.

– А... – начала было она, но Сергей тут же махнул рукой:

– С Колькой проблем не будет, Стасов уже переговорил с ним по телефону, забил «стрелку» на сегодняшний вечер, в честь нашего общего профессионального праздника водкой его напоит и пообещает, что ты будешь пайнойкой, ничего не нарушишь, ничего от него не скроешь, ни в чем не обманешь, ни в чем ему не помешаешь, и вообще от тебя будет одна сплошная польза.

– Это непосильная задача, – улыбнулась Настя. – Даже Стасов этого не сумеет.

– Стасов? Сумеет, – убежденно проговорил подполковник Зарубин.

Вечный Камень вел диалог с Вечным Вороном на вечную тему. Тема эта – смерть.

– Смотри, что получается, – задумчиво и неторопливо говорил Камень. – На земле каждую секунду кто-то умирает, причем на глазах у других, и происходит это постоянно уже целую вечность, а до сих пор так никто толком и не знает, что это такое. Как это? Что бывает потом? И вообще, что это за штука такая – смерть?

– И не говори, – поддакнул Ворон с высоты толстой короткой ветки у самой макушки древнего дуба. – И что самое обидное, мы с тобой тоже этого не узнаем, потому что мы – вечные. Для нас смерть самым нашим устройством не предусмотрена.

– А вот как ты считаешь... – начал было Камень и запнулся. Ему показалось, что сзади стало как-то щекотно и необычно тепло.

– Ну-ну, продолжай, – нетерпеливо подбодрил друга Ворон.

Ему очень нравилось, когда Камень спрашивал его мнение, а уж собственная позиция у Вечного Ворона была всегда и по любому вопросу. Если Камень как истинный философ был склонен к разного рода сомнениям, то самоуверенный и самолюбивый Верон никаких сомнений отродясь не испытывал и в любой момент готов был вполне авторитетно озвучить свою непогрешимую, как ему казалось, точку зрения.

– Что-то мне как-то... – неуверенно пробормотал Камень.

– Ну что, что? – с досадой каркнул Ворон.

– Да сзади у меня что-то... шевелится, что ли. Щекотно.

– Небось палую листву ветром пригнало или ветку сухую.

– Оно теплое... Ты бы посмотрел, а? – жалобно попросил Камень, которому самой природой не была дана возможность оборачиваться и смотреть назад.

Ворон недовольно крикнул и слетел вниз. Ну вот, такую беседу плодотворную прервали из-за какой-то ерундовины! Наверняка листья или ветки. Теплое оно, видите ли! Этому старому подагрику что только не примерещится.

Он сперва даже не разобрал, что это такое: какой-то комок свалившейся в колтуны грязно-коричневой, с серыми разводами, шерсти. «Волчонок!» – мысленно охнул Ворон, но тут же осекся: кажется, у диких зверей колтунов не бывает. Комок дрожал и судорожно дергался. Ворон осторожно тронул его когтистой лапкой и в ответ услышал короткий хриплый звук, отдаленно напоминающий жалобное мяуканье. «Точно, не волчонок», – с облегчением выдохнул он и, осмелев, ткнул неопознанный комок мощным клювом. Так, слегка, не всерьез и не больно. На этот раз комок отреагировал более выразительно, из него вытянулась лапа и сделала слабую попытку не то защититься, не то отмахнуться. А уж такую-то лапу всеведущий Ворон ни с какой другой не спутает.

– Ну, что там? – обеспокоенно спросил Камень.

– Да это кошка, – небрежно ответил Ворон, запрыгивая Камню на макушку.

– Кошка? Да откуда же в наших лесах возьмется кошка? До человеческого жилья далеко.

– Не так уж и далеко, ближайший дом всего-то километрах в ста, вполне могла убежать из дома и добраться сюда.

– Неужели могла? – изумился Камень.

– А то! Запросто! Кошки – они знаешь какие? Для них сто километров вообще не расстояние, – со знанием дела заявил Ворон.

– По-моему, эта кошка что-то пищит, – насторожился Камень.

– Да что она может пищать!

– Нет, я определенно что-то слышу, – настаивал Камень.

Вынужденная вечная неподвижность привела к тому, что у него были чрезвычайно развиты все органы восприятия.

Ворон с досадой тряхнул крыльями и проскакал от макушки Камня вдоль всей его спины к тому месту, где валялся непрощенный гость.

– Ты чего там бормочешь? – сердито спросил он. – Говори громче и четче, а то не разобрать ничего.

Комок зашевелился, из него выделилась круглая кошачья голова с длинными усами и слипшимися от гноя глазами.

– Я не кошка, – хрипло и с трудом выговорил комок. – Я – кот.

– Ну и какая разница? – презрительно бросил Ворон.

Кот открыл было пасть, чтобы объяснить, какая именно разница, но закашлялся и обессиленно уронил голову вниз. Не дождавшись разъяснений, Ворон вприпрыжку вернулся на прежнее место, к макушке Камня, и растерянно сообщил:

– Он, кажись, совсем больной.

– Он? – переспросил Камень.

– Ну да. Он говорит, что он не кошка, а кот. Кашляет, глаза гноятся, да и видок у него, прямо сказать, тот еще. Весь драный, облезлый какой-то, грязный.

– То-то я чувствую, что он горячий и дрожит, – заволновался Камень. – Ты бы, дружок, слетал за Белочкой, она у нас мастерица всякие хворобы лечить, а вдруг да поможет.

Ворон досадливо пощелкал клювом, но спорить не осмелился и улетел.

– Простите, уважаемый, – деликатно обратился Камень в пустоту, – вы не могли бы переместиться поближе к моим глазам, а то я вас не вижу, и мне неловко.

Кусочек тепла начал медленно двигаться вдоль левого бока Камня. Наконец весь Кот целиком оказался в поле видимости.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Камень. – Как же вы здесь оказались? Вас что, хозяйева выгнали? Или вы потерялись?

– Я не терялся, – хрипло, но с оттенком горделивости ответил Кот. – Это судьба моя такая. Такие, как я, не теряются. И уж тем более их не выгоняют хозяйева.

– Что же с вами случилось?

– Папенька заболел, вызвал «Скорую»...

– Как?! – изумился Камень. – Ваш батюшка сам умеет звонить по телефону и вызывать врачей? Этого не может быть!

– Да какой батюшка! Батюшка мой у депутата Госдумы живет и знать меня не знает. Я сказал – папенька. Это по-вашему хозяин, а по-нашему – папа, папенька. Ну так вот, он захворал, приехали доктора, положили его на носилки и унесли. Я за ними следом кинулся, аж до самой больницы за машиной мчался, только меня в ту больницу не пустили, я и стал ждать, устроился неподалеку и сижу, а папеньки все нет и нет. День, два, неделю жду, а он не выходит. Голод за живот взял, пошел я пропитание искать, прибил к каким-то бездомным кошкам, их то и дело сердобольные люди подкармливали, вот я с ними вместе и харчевался. Так, почитай, с месяц протянул, а то и больше, а папеньки все не видать. То ли очень серьезная у него болезнь приключилась, то ли я его пропустил, пока еду себе добывал. Может, он давно уже дома и по мне убивается, а я тут груши околачиваю возле больницы. Отправился я домой, сел перед дверью и жду, позвонить-то не могу, роста не хватает, только и остается, что мяукать. Но в том доме стены толстые, интеллигентного мяуканья не слышать, так что пришлось орать дурниной. Тут дверь открылась, и вышли какие-то чужие люди, которые меня пинками с лестницы согнали. Я ихних законов насчет жилплощади не понимаю, но ясно мне стало, что папенька в той квартире больше не живет. Вернулся я к больнице, а там и зима настала, пришлось теплый подвал искать. Нашел, но мне быстро объяснили, что никаких прав на проживание у меня нет. Ухо порвали, бок прокусили, а пока я снаружи раны зализывал, меня местный дворник нашел и лопатой отходил, лапу сломал. Так начались мои мытарства. Чего я только не пережил! – Кот натужно закашлялся.

– Вам не стоит так много говорить, – переполошился Камень, с глубоким вниманием слушавший горестное повествование. – Поберегите себя, отдохните.

– Да нет уж, – прохрипел Кот, – я все равно умираю и хочу рассказать, чтобы все знали, как прошла моя жизнь и как я встретил смерть. Как в бессмертном «Гамлете»: «О, я рассказал бы... я гибну; ты жив; поведай правду обо мне неуголенным». Ах, кабы знать, где теперь папенька, как он, здоров ли? Я бы тогда отошел в мир иной с легким сердцем.

– Так это можно устроить, – обрадовался Камень. – Если вы и впрямь так плохи, как вам кажется, то ваше последнее желание достойно того, чтобы быть выполненным. Вот Ворон скоро вернется, и мы его попросим узнать, он умеет это делать.

Камень ждал, что Кот начнет расспрашивать и удивляться, и готов был в самых доступных выражениях рассказать про пространственно-временные дыры, через которые Ворон имел возможность проникать в любые места и в любой требуемый момент, но Кот ничего не спросил, только тяжело вздохнул, из чего Камень заключил, что их неожиданный гость чувствует себя из рук вон плохо и у него даже нет сил на любопытство.

– Вы еще поживете, – попытался он подбодрить Кота, – еще успеете рассказать нам свою историю, а пока отдохните.

– Нет, я чувствую, что мой конец близок, – упрямылся Кот. – Когда будете меня хоронить, не забудьте, что мое имя – Гамлет. Не хотелось бы лежать в земле безымянным. Если, конечно, вы вообще возьмете на себя труд похоронить меня.

– Не волнуйся, похороним, – раздалось сверху. – Закопаем, как положено, будешь лежать не хуже других.

Ворон стремительно спланировал вниз и затопал лапками рядом с Котом. Ему очень не понравилось, что за время его отсутствия Кот не только перебрался в другое место и теперь валялся грязным комком под самым носом у Камня, но еще посмел вести с его единственным близким другом какие-то сомнительные разговоры. Все это напоминало Ворону заговор, плетущийся за его спиной, чем и объяснялась его неожиданно грубая выходка.

Камень, однако, на выходку не отреагировал и набросился на него с вопросами:

– Что ты так долго? Где Белочка? Ты ее нашел?

– У нее сынок пропал, она, бедная, по всему лесу мечется, ищет его. Ну, я, конечно, помог немножко, полетал, сверху поглядел, потом всех ребят на уши поставил, теперь мальчонку всем миром ищут, а я к вам вернулся.

– Очень хорошо, что вернулся, – строго проговорил Камень. – У нас к тебе большая просьба.

– У кого это – у нас? – прищурил левый глаз Ворон.

– У Кота и у меня. Ты не мог бы слетать и посмотреть, что там с его хозяином?

– С папенькой, – мяукнул Кот.

Ворон заподозрил, что от него просто-напросто хотят отделаться, потому и отсылают с поручением, и понравиться ему это, конечно же, не могло. Но, с другой стороны, это поручение – прекрасный повод показать самозванцу, приковавшему к себе внимание Камня, кто в этом лесу по-настоящему что-то может, а кто только рассуждать горазд. Да, он слетает и все разведает, и пусть этот драный Гамлет узнает, каковы способности и возможности Вечного Ворона, а тогда уже решает, кого тут стоит уважать и к кому прислушиваться.

– Сделаем, – деловито пообещал он. – А ты, парень, из каковских будешь?

– В смысле? – переспросил Кот.

– Ну, из какой страны, из какого города? Про время не спрашиваю, понятно, что из настоящего.

– Русский я. В том смысле, что из России, из Москвы. А что? Вам далеко?

– Для меня нет таких понятий, – самодовольно изрек Ворон. – Для меня всюду близко. А вот как ты, мил друг, такой, понимаешь, больной, такой слабый – и в такую даль забрался? Сюда от Москвы самолетом полсоток лететь.

– Да я и сам не знаю. Какие-то пацаны меня поймали, мучали долго, истязали, потом отпустили, я заполз под куст и потерял сознание. Очнулся уже здесь, неподалеку.

– Под куст, говоришь? – нахмурился Ворон. – А там рядом, случайно, бензозаправки не было?

– Была. А вы откуда знаете? – удивился Кот Гамлет.

– Знаю, – усмехнулся Ворон. – Там дыра незаделанная. Уж сколько лет мы Старшему Смотрителю про эту дыру говорим – все без толку. То и дело в нее кто-нибудь проваливается.

Кот и на этот раз ничего не спросил и не заинтересовался, о какой такой «дыре» идет речь. Видно, весь был в мыслях о собственной грядущей кончине.

– Так где там твоего папеньку искать?

Кот объяснил и, надо признать, довольно толково.

– Только я еще вот о чем попрошу... Уж вы не откажите в последней просьбе умирающему... Мне бы насчет матушки узнать. Как она? Не хворает ли? В благополучии ли?

– Матушка – это жена папеньки? – уточнил Камень.

– Мой папенька холост. А матушка – это кошка, которая произвела меня на свет.

– Эх хватил! – возмутился Ворон. – Человека-то можно по имени и адресу найти, а как я кошку искать буду?

– Тоже по имени и адресу. Домашнего я, правда, не знаю, сам нашел бы, а вот объяснить не сумею, но найти ее можно в театре «Новая Москва». Главное – найдите бабушку, матушкину маменьку, ее зовут Евгения Федоровна Арбенина, она там самая главная актриса. А где она – там и Эсмеральда, маменька моя. Там же, на театре, и про папеньку, может, что узнаете, он ведь тоже артист, только не такой известный, как бабушка. Зовут его Пантелеев Степан Кондратьевич. Запомните? Или повторить?

– Не тупее некоторых. Ладно, ждите! – крикнул Ворон, резко взмывая ввысь.

Кот с трудом поднял голову и посмотрел ему вслед одним правым глазом, потому что слипшийся от гноя левый разлепить ему не удалось.

– Как вы думаете, он скоро вернется с известиями?

– Это как повезет, – ответил Камень. – Может, через час, а может, и через неделю.

– Я не доживу, – плаксиво вздохнул Кот. – Мои часы сочтены. Так, видно, и умру, ничего не узнавши.

Камень принялся утешать несчастного больного, говорить, что скоро появится Белочка – самый лучший врачеватель во всем огромном лесу, и она непременно поставит правильный диагноз и подберет адекватное лечение, Кот сразу же пойдет на поправку и в самом ближайшем будущем встанет на ноги, Ворон уже совсем скоро прилетит и принесет хорошие вести...

Камень все говорил и говорил и не заметил, как Кот уснул под мерное журчание его голоса. Поняв, что больной спит, Камень и сам с облегчением задремал. Проснулся он от осторожного поскребывания по лбу: Ворон вернулся и когтем пытался разбудить друга.

– У меня плохие новости, – угрюмо сообщил он. – Вот решил Принца нашего Датского не будить, сперва с тобой посоветоваться. Папашка его помер, там в театре в фойе фотографии актеров висят, так на портрете папашки две даты – рождения и смерти.

– Не папашка, а папенька, – поправил его Камень.

– Да мне один черт, – отмахнулся Ворон. – Мамка его, кошка Эсмеральда, в полном порядке, ее я видел, в ногах у бабки валяется и урчит, а сама бабка возлежит в гримерке на диванчике, вся такая нарядная, морда накрашена, духами пахнет, в общем – красота. Кошку свою, стало быть, на работу носит, во чудилка, а?

– Значит, бабушка Гамлета в полном порядке?

– Да если бы! У них там беда в этом театре. Бабкин начальник при смерти, в реанимации лежит, того и гляди помрет. А бабка, натурально, в полном отчаянии, потому как она у того начальника была главной любимицей. А теперь придет другой начальник, ей ролей давать не будут.

– Да-а-а, – удрученно протянул Камень, – дела-а-а...

Актриса Евгения Федоровна Арбенина – женщина сложного возраста и выдающейся внешности. Необыкновенно стройная, несмотря на прожитые годы, великолепно выглядящая благодаря нескольким весьма удачно сделанным подтяжкам, с умело наложенным макияжем, в красивом розово-сиреневом платье, она, лежа на диванчике в своей гримерной, отдыхала между дневной репетицией и вечерним спектаклем и раздумывала о том, как жаль Левушку Богомолова и жену его Леночку тоже очень жаль, да и себя жалко, потому что ей, Евгении Федоровне, теперь будет трудно. Богомолов ее любил, ценил и давал роли почти в каждом новом спектакле, если была такая возможность. А теперь что будет? Кто заменит Левушку? Как новый человек отнесется к возрастной актрисе, пусть и очень знаменитой, очень профессиональной, увешанной регалиями, но все-таки очень немолодой? И еще она думала о том, что желание убить художественного руководителя театра могло быть у кого угодно, потому что в театре его любили от силы человек десять, а остальные боялись и ненавидели.

Любимая кошка Евгении Федоровны, белоснежная пушистая Эсмеральда, лежала у нее в ногах и тихо мурлыкала. Эсмеральду Арбенина брала в театр постоянно, впрочем, и не только

в театр, она и в гости к друзьям с ней ходила. Эсмеральда была кошечкой строгих нравов, к себе подпускала далеко не каждого кота, рожала редко, но зато в помете всегда было не меньше четырех котят, и всех их у Евгении Федоровны с руками отрывали, до того хороши они были. Одного котенка она подарила своему старому другу, артисту Степану Кондратьевичу Пантелееву, тот был страшно рад, назвал котика Гамлетом и тоже постоянно приходил в театр только с ним, так что мамочка с сыночком виделись регулярно. А теперь Степа умер, и Гамлет куда-то исчез. Господи, хоть бы совсем-то не пропал кот, пусть бы взяли в приличный дом, в хорошие руки, ведь породистый, и красавчик, и умница, и вообще родная душа. Если для бездетной Евгении Федоровны Эсмеральда была все равно что дочь, то ее сыночек Гамлет, натурально, приходился внуком, и душа за него болела. Не так сильно, конечно, как болела, когда хоронили Степушку Пантелеева, и не так, как она болит сейчас за лежащего в реанимации без сознания Левочку Богомолова, но все-таки болела.

Раздался стук в дверь, и в гримуборную Арбениной вошел молодой актер Никита Колодный, которого Арбенина как ведущий мастер сцены опекала и пестовала. Никита ей нравился своей вдумчивостью, стремлением сделать любую, даже самую мелкую работу как можно тщательнее и лучше, а также своей внешностью, приятной, но неброской. Броской красоты Арбенина не любила ни в женщинах, ни тем более в мужчинах, и при всем пристрастии к ярким краскам в собственном гардеробе и макияже в других она ценила пастельные тона и изысканную сдержанность. Никита Колодный всем ее требованиям полностью отвечал, во всяком случае, так казалось Евгении Федоровне.

– Извините, вы отдыхаете, не побеспокою? – робко начал Никита.

– Входи, деточка, входи. – Евгения Федоровна сделала царственный приглашающий жест рукой, не поднимаясь с диванчика. – Садись.

Колодный присел на стул перед гримировальным столиком, поставил локти на столешницу и тяжело опустил голову на сцепленные ладони.

– Как ужасно то, что случилось с Львом Алексеевичем, какой кошмар! Что теперь будет с ним, с его женой, со всеми нами?

– Как Господь распорядится, так и будет, – сдержанно ответила Арбенина. – Ему виднее. А с нами... Ну что – с нами? В самом худшем случае к нам придет новый худрук, и начнется какая-то новая жизнь.

– А в самом лучшем? – нервно спросил Колодный.

– В самом лучшем – Лев Алексеевич скоро выздоровеет и вернется к работе, а пока его заменит Сеня Дудник, вот и все. Уже есть распоряжение руководства, чтобы Сеня заменил Льва Алексеевича на репетициях «Правосудия». Ты-то чего беспокоишься? Я понимаю, у тебя впервые главная роль, тебе хочется, чтобы спектакль собрали и выпустили, а не закрыли уже сейчас, так на этот счет можешь не беспокоиться, репетиции не прекратятся, Сеня доведет спектакль до премьеры.

Колодный помолчал немного и вздохнул, еще крепче стиснув руки.

– Я хотел с вами посоветоваться, можно?

– Только осторожно, – усмехнулась Арбенина. – Мы с тобой в одной упряжке, не забывай. В таких ситуациях опасно просить совета у партнера по сцене.

– Ну что вы, Евгения Федоровна, вы для меня лучший учитель. Вам не кажется, что мотивация Зиновьева слабовата? Не верю я в его переживания после того, как он поступил с матерью! А ведь, по версии следствия, жена его именно потому и убила, что не могла простить такого поступка. И убить она из-за этого не могла, и переживания у него какие-то надуманные, и сама ситуация малореальная. А вы же играете адвоката жены на суде, вам самой должно быть неудобно в таком тексте.

– Да брось ты, Никита, ну что тебе эта мотивация? Тебя послушать, так измени мотивацию – и вся пьеса засверкает, словно бриллиант. А сверкать-то там нечему! Пьеса – дерьмо,

причем первостатейное, и автор этот, Господи прости, даже фамилию его запомнить не могу, придурок дерьмовый, с амбициями, журналистишко из Подмоскovie. Нашел, понимаешь ли, кошелек на ножках, уговорил проплатить постановку, а мы что? Мы – люди подневольные, нас на роли назначили, текст дали, и играй себе, пока игралка не отвалится, и не парься. – Ценящая в людях изысканность, сама Арбенина была особой резкой и в выражениях не стеснялась, говорила все, что считала нужным, поскольку привыкла находиться на особом положении у художественного руководителя театра, хоть прежнего, скончавшегося несколько лет назад, хоть нынешнего, души в ней не чаявшего. Ей прощали все, и она к этому давно привыкла. – И вообще, ты же не Зиновьева играешь, а Юрия, история с матерью – это не твоя мотивация. Твое дело – играть так, чтобы себя показать. Тяни одеяло на себя – вот и вся твоя задача. Чего ты, в самом деле? Все равно пьеса – дерьмо и дольше одного сезона в репертуаре не продержится.

– Нет, Евгения Федоровна, как же вы не понимаете! Ведь в этом же все дело! Я не хочу, чтобы спектакль три раза показали и списали! Мне столько лет не давали играть, я так долго ждал, перебиваясь с Ферапонта на Могильщика, со Скотти на «кушать подано», а теперь получил большую интересную роль, в которой мог бы показать все, что умею, и для меня важно, чтобы спектакль шел не один сезон. Поэтому мне и хочется, чтобы пьеса стала лучше.

– Да нельзя ее сделать лучше, болван! Ты что, сам не видишь, какая она слабая, неумелая! Детектив! Да это просто смешно! Чтобы детектив шел на сцене, это должна быть «Мышеловка» Агаты Кристи, а не беспомощное трепыхание провинциального журналиста, который среди полного здоровья вдруг вообразил себя великим драматургом. И выбрось из головы мысли прославиться на этом хилом литературном материале, не выйдет у тебя ничего в этот раз. Как говорится, не в этой жизни. Твое дело – показать себя режиссеру с самой выгодной стороны, тогда уж при следующей постановке он тебя не забудет.

– А зрители... – начал Никита, но Евгения Федоровна только скривилась.

– Я же сказала: не в этой жизни. Не на этой пьесе. Не на этом спектакле. Смирись уже наконец с тем, что зрители тебя по-прежнему пока не увидят. Зато потом будет тебе небо в алмазах, если сейчас поведешь себя правильно и постарайся как следует. Дудник, насколько я понимаю, тебе очень симпатизирует, вы и водочку вместе кушаете, и время то и дело проводите в одной компании. Ты глаза-то не отводи, Никитушка, не делай вид, что это неправда, я все-о-о про тебя знаю. – И Арбенина хитро погрозила молодому актеру пальцем. – От меня ничего не скроешь в нашем театре, я здесь всю жизнь служу и всех насквозь вижу.

Дудник числился в «Новой Москве» очередным режиссером и после трагедии с художественным руководителем театра Львом Алексеевичем Богомоловым, который ныне лежал в реанимации и находился между жизнью и смертью, приступил по распоряжению дирекции к репетициям новой пьесы «Правосудие», которую до этого ставил сам Богомолов.

Колодный удрученно молчал, потом протянул руки и взял на колени кошку Эсмеральду. Кошка с удовольствием потерлась лобиком о живот актера: Никиту она любила и привечала, хотя вообще-то была существом капризным и мало кому позволяла столь фривольное обращение с собой.

– Как вы думаете, Евгения Федоровна, преступника скоро найдут? – робко спросил он.

– Найдут, куда денутся. Все ведь очевидно, – вздохнула актриса. – Милицейские еще недельку-другую потолкуются у нас, да и выяснят все.

– Что выяснят? – проговорил Колодный с каким-то не то испугом, не то недоумением. – Что у нас можно выяснить? Не мы же Льва Алексеевича... Никто из наших не мог. Да и за что? Вы же не думаете...

– Господи, Никитушка, сердце мое, да что тут думать-то? Ты что, сам не понимаешь, кто и за что хотел Леву убить? Это же очевидно.

На следующий день Настя Каменская прямо с утра отправилась к своему давнему приятелю Григорию Гриневичу, работавшему помощником режиссера в одном из московских театров. С Гришей они росли в одном доме и очень дружили в школьные годы, Гриневич в подростковом возрасте даже был в Настю влюблен, но она относилась к нему только как к доброму товарищу, а уж когда в девятом классе, придя учиться в физико-математическую школу, села за одну парту с Лешей Чистяковым, вопрос о романтических отношениях с кем бы то ни было, кроме Леша, отпал сам собой.

Сегодня у Гриневича рабочий день начинался после обеда, у него не было утренней репетиции, и встречались они дома у Григория, жена которого ради гостыи испекла пирожки и убежала на работу.

– Я не льщу себя надеждой, что ты явилась ради моих ранних седин, – засмеялся Гриша, усаживая Настю в кресло в гостиной. – Говори сразу, какие у тебя надобности.

– Мне бы про театр «Новая Москва» узнать, – призналась Настя. – Все, что знаешь, и правду, и сплетни, и слухи.

– Ну, насчет правды я тебе кое-какую информацию, конечно, дам, а вот насчет сплетен и слухов – с этим у меня победнее. Но все, что знаю, расскажу, ничего не утаю, – пообещал Гриневич.

«Новая Москва» – театр старый, с биографией, создан в 20-е годы для пропаганды революционного искусства, которое надо было нести в массы. С самого начала считался очень авангардным и модным. Потом, после войны, стал ориентироваться больше на классику, тогда авангард вышел из моды, а с середины 70-х, после успеха Таганки, снова повернулся лицом к современным формам и всяческим экспериментам. Долгое время в «Новой Москве» был один и тот же главный режиссер, прославившийся своими новаторскими постановками, а после его смерти пришел Богомолов, лет пять-семь назад. Богомолов новаторством не увлекается и современных пьес ставить не любит, он больше ценит классику и сам ставит только ее. Хотя у него в театре достаточно много и современных пьес, в основном комедий.

– На это он приглашает режиссеров со стороны по договору или дает Сеньке Дуднику ставить, – рассказывал Гриневич. – Сенька – это очередной режиссер у Богомолова. Вообще Богомолов такую политику ведет: современных пьес он сам в своем театре не ставит, поручает другим, а свою любимую классику ставит в других театрах, куда его приглашают. Ну и у себя, когда есть возможность.

– А какой у него характер? Как он с людьми обращается? – спросила Настя.

– Богомолов – хам редкостный, грубиян и при этом сноб в самом плохом смысле этого слова. Считает себя гуру в режиссуре, а всех остальных – грязью, пылью под ногами. Разговаривает только с теми, кто, на его взгляд, равен ему по уровню, ну или выше статусом, это уж само собой. Да что там разговаривает – он даже здоровается только с теми, кого считает достойным самого себя. Это так народ из «Новой Москвы» про него рассказывает. Я с ним лично не общался, не тот у меня, как ты понимаешь, уровень, но наблюдал со стороны не раз, и похоже, что все это правда.

– Значит, с равными себе он разговаривает, а с другими? – уточнила Настя.

– А с другими у него один способ общения: ругань, крик, брань, попреки, выволочки – ряд можешь продолжить сама.

– А какие ходят сплетни насчет его врагов?

– Видишь ли, «Новая Москва» – это так называемое автономное учреждение культуры, то есть деньги, которые этот театр получает от государства, называются не финансированием, а инвестированием, или дотациями. И размер этих дотаций очень сильно зависит от личных отношений руководства театра с Департаментом культуры. Ну и связи в Минкульте тоже имеют значение. Таких автономных учреждений в Москве – не одно и не два, и размер инвестирования очень различается. Так вот, у Богомолова крепкие завязки там, где надо, и его театр

получает гораздо больше денег, чем другие «автономные», что вызывает страшную ревность и зависть. А у Льва не хватает душевной мудрости правильно вести себя с теми, кто получает меньше, он ходит, задрав нос, и открыто говорит им в лицо, что, если они получают меньше, стало быть, они объективно не достойны – и художественный уровень постановок у них куда ниже, и труппа слабее, и вообще они слова доброго не стоят. Причем говорит это и у них за спиной, нисколько не стесняясь в выражениях. А круг-то театральный – он узкий, несмотря на то что театров в Москве вроде бы много, а все равно все друг с другом связаны, и информация распространяется практически мгновенно и беспрепятственно. Невозможно сказать о ком-то гадость, чтобы это через два дня не стало известно.

– Ну хорошо, он считает себя гуру, а как на самом деле? Он действительно хороший режиссер?

– Да, Богомолов действительно хороший режиссер, – пожав плечами, усмехнулся Григорий. – Но хороших много, а гениальных – единицы, так вот он – не гениальный, он такой же, как десятки других. Крепкий профессионал, но ничего выдающегося. Набрал в труппу звезд и просто актеров, засветившихся и примелькавшихся в сериалах, на них публика идет, особенно приезжие молодые девочки и женщины, жаждущие посмотреть на своих кумиров, которых постоянно видят на телеэкране. Поэтому сборы всегда хорошие, даже если пьеса неудачная и режиссура слабая. Все равно идут и смотрят, потому что актеры, пусть и не очень сильные, но узнаваемые. А стариков, которые процветали при прежнем режиссере, Богомолов не жалуется. Он вообще стариков не любит, знаешь, есть такая категория людей, которая считает, что молодость – это достоинство, а старость – порок. Многие старики ушли из театра совсем, многие остались, но сидят без ролей, только за зарплатой приходят. Но, конечно, у Богомолова есть и любимчики среди старой гвардии, например Арбенина.

– Та самая? – удивилась Настя. – Я почему-то думала, что актрисы такого уровня играют, например, в Малом или в МХТ. А она, оказывается... Впрочем, я не театралка, ничего в этом не понимаю.

– Так вот, Арбенину он любит, привечает, считается с ней и дает ей играть, тем более что Евгения Федоровна в прекрасной форме и в свои годы еще запросто играет пятидесятилетних женщин, а то и помоложе. Аркадину, например, в «Чайке», Раневскую в «Вишневом саде», даже Принцессу Космонополис в «Сладкоголосой птице юности». А с некоторыми другими стариками Лев Алексеевич обходится просто бесчеловечно, даже когда у них юбилеи, не дает им играть. У них там и скандал был из-за этого.

– Скандал? Какой? – оживилась Настя.

– Завлит нашел пьесу для возрастных актеров, очень приличную, и в ней можно было занять пятерых стариков. А что сделал Богомолов? Назначил на эти роли молодых и средневозрастных актеров, пускай, дескать, публика повеселится, глядя, как молодежь играет стариков. Знаешь, это известная фишка на театре, зритель обожает, когда известный актер, к примеру, играет, переодевшись женщиной, это особый кайф, или когда молодой играет старика. Публике очень нравится, и она с удовольствием идет на такой спектакль. А когда в «Новой Москве» стало известно, что будет ставиться эта пьеса, все старики приободрились, потому что если сделать два состава, то практически все они будут заняты. На первую читку Богомолов собрал всю труппу и читал сам. Старики сидели и радостно ждали, когда он объявит распределение ролей. А он пьесу прочитал и заявил, что распределение будет вывешено на доске через два дня. Два дня труппа гудела, да что труппа – весь театр гудел, радовался, что старики наконец получают возможность выйти на сцену. А через два дня повесили распределение, и оказалось, что назначены сплошь молодые актеры, известные по сериалам. Конечно, они сделают кассу, не вопрос, но ведь не все же деньгами надо мерить. Народ повалил к Арбениной с просьбой пойти поговорить с Богомоловым, ведь он ее любит и к ней прислушивается, она у него в любимцах ходит. Арбенина отказалась разговаривать с худруком, я, говорит, на конфликт с ним

не пойду, мне еще поиграть хочется, рано мне на пенсию, а если мы не договоримся, он мне ролей давать не будет. Театр тогда разделился на два лагеря, одни поддерживали Арбенину и говорили, что опасно и страшно вступать в конфронтацию с художественным руководителем, тем более что он не просто худрук, а худрук – генеральный директор, то есть еще и финансами распоряжается и вообще всем на свете. Другие считали Арбенину предательницей и трусихой, которая печется только о своей шкуре.

Гриневич подлил Насте кофе и откусил пирожок.

– Я так понимаю, что ты насчет покушения на Богомолова информацию собираешь, верно?

– Верно, – кивнула Настя.

– Так вот, имей в виду, в театре, не только в «Новой Москве», но и в любом, собирать информацию трудно, – предупредил ее Гриневич. – Много выдумок выслушаешь, так что дели все, что тебе скажут, на сто пятьдесят и многократно проверяй и перепроверяй. Во-первых, все панически боятся худрука, а уж если он в едином лице еще и директор, то страха перед ним еще больше. Во-вторых, актеры – они особенные, никогда об этом не забывай. Они выдумывают и свято верят в то, что говорят, поэтому выглядят совершенно искренними. Они постоянно в профессии, и любой разговор, особенно с незнакомым человеком, это повод сыграть такой, знаешь ли, мини-моноспектакль, пускай даже только для одного зрителя. Они тут же придумывают историю, чтобы в ней была динамика, был драматизм, драйв, с удовольствием ее разыгрывают и свято верят в правдивость того, что говорят, как на сцене. И даже если не верят, им хватает элементарных профессиональных навыков, чтобы выглядеть очень убедительными. Они кого угодно вокруг пальца обведут. Но хитрость их будет совершенно детской, наивной и беззлобной. Для них важно одно: чтобы им давали играть. И играть они готовы всегда, всюду и перед кем угодно.

– Неужели для всех поголовно? – не поверила Настя.

– Нет, конечно. Есть те, кто помешан на своей работе, а есть такие, для которых не так важно выйти на сцену, как важно заработать денег своими умениями, поэтому они не держатся особенно за роли в спектаклях, а с удовольствием подрабатывают на корпоративах и частных вечеринках. Во всяком случае, они сами про себя так говорят. Но это на самом деле только видимость. Просто им не дают играть то, что они хотят, и столько, сколько им хочется, вот они и придумывают, что им не очень-то и хочется. Придумывают и сами же в это верят. Ты пойми, Настя, актер – это человек абсолютно подневольный, зависимый, он не властен над своей жизнью и работой, он ждет, когда его позовут, когда ему предложат, когда его назначат. То есть постоянно зависит в своей работе и в жизни от чужой воли, от чужого интереса, от чужого желания, мнения, настроения, точки зрения. Актер ничего не может сам. И даже когда его уже выбрали, предложили, назначили, он должен делать то, что ему велит режиссер, то есть должен лепить тот образ, который видит постановщик. У актера есть только одна свобода: в выборе средств, которыми он будет решать задачу, поставленную режиссером. Больше ему ничего не подвластно. В этом весь и ужас. Отсюда и характеры у них такие детские, хотя выглядеть они могут серьезно и солидно, но на самом деле особенности профессии не позволяют им развивать в себе способность к поступку.

– А как же разделение на лагеря? Я много слышала о подобных скандалах в театрах, когда хотели выжить режиссера, и так далее. Да ты и сам мне только что рассказывал, как в «Новой Москве» разделились на две группы из-за Арбениной.

– Вот именно. Разделение на лагеря. Это совершенно детская модель поведения – ты за «красных» или за «белых»? Сбиться в кучку, в стаю, обсуждать, но не высовываться, не проявлять индивидуальность. Я не говорю, что актеры – плохие, чудесные, они талантливые, необыкновенные, просто профессия вынуждает их быть такими, никакими другими они по определе-

нию быть не могут. А те, кто может, кто не боится проявить индивидуальность и характер, те становятся режиссерами.

Выйдя от Гриневича, Настя села в машину и двинулась в сторону «Власти», по дороге обдумывая услышанное. По здравом размышлении пришла к неутешительному выводу, что Гриневич, пожалуй, не прав или прав не во всем. Не может так быть. Просто он, видимо, не в том настроении, может быть, поцапался с кем-то из актеров, вот и наговорил сгоряча. В любом случае он тоже деятель театра, и к его словам нужно относиться с известной критичностью. Делить на сто пятьдесят, как он сам же и посоветовал.

– Владик, я вся в сомнениях, – призналась Настя Стасову. – У меня нет уверенности, что смогу справиться с театром. Я только что встречалась со своим знакомым, он в театре работает...

– В том самом? – с интересом перебил ее Стасов.

– Нет, в другом. Так вот, после разговора с ним у меня возникли опасения, что я там не разберусь и ничего толкового не сделаю. Может, откажемся от этого заказа?

– С ума сошла, – пробурчал Владислав Николаевич. – Я Вавилову такую сумму заломил, а он согласился и не поперхнулся. Это же наши доходы, а наши доходы – это ваши, между прочим, зарплаты и премиальные, так что выбрось все глупости из головы и начинай работать.

– Да как работать-то! – простонала Настя. – И с кем? С молоденьким мальчиком, который еще пока ничего не умеет? Ладно бы работать с кем-то опытным, кого я хорошо знаю и на кого могу положиться, а с этим? Я ведь даже не представляю себе степень его надежности. А вдруг ему ничего нельзя поручать и все нужно контролировать и перепроверять? Я ж замаюсь. Ну пожалей ты меня, Стасов!

– Меня бы кто пожалел, – угрюмо откликнулся он. – Думаешь, мне легко? У меня голова чугунная, будто из железных опилок сделанная, и сушняк жуткий. И спать хочется, глаза прямо сами закрываются.

– С чего бы? – вздернула брови Настя. – Это ты так напраздновался в честь вчерашнего Дня милиции?

– В честь твоей новой работы, неблагодарное ты существо. А еще женщина!

– А это-то при чем? – удивилась она.

– Ты должна быть мягкой и жалостливой. Я, между прочим, вчера Колю Блинова до посинения упайвал, чтобы он разрешил тебе работать и не возникал. Думаешь, легко было?

– Ну и как, уговорил?

– Да куда он денется с подводной лодки после такого количества хорошего спиртного! – махнул рукой Стасов. – И ресторан я выбрал не последний. И все ради тебя, между прочим. Так что ты, подруга, не тяни, поезжай к нему прямо сейчас, пока он еще после вчерашнего в себя не пришел и назад не отыграл. Ты же с ним знакома, как я понял?

– Знакома, – кивнула Настя.

– Кошка между вами не пробегала?

– Вроде нет, мы с ним мирно работали.

– Ну и славно. Давай, езжай, куй железо. А насчет мальчонки не переживай, мы все когда-то были молодыми и начинающими, и ты, и я, и Сережка Зарубин, и с нами тоже никто не хотел в паре работать, все опытных и знающих хотели. И ничего, как-то выправились, выучились, пороку нанюхались, в люди вышли. Вспомни себя тридцать лет назад, тоже ведь ничего не умела и всех боялась. Справишься. И потом, может, он толковым окажется, этот мальчик, и ты сможешь его попутно чему-то научить. Сережка тебе только спасибо за это скажет.

– Да уж, учитель из меня – как из тебя лилипут, – вздохнула Настя, окидывая взглядом двухметровую фигуру начальника.

Она положила в сумку чистый блокнот, позвонила Николаю Николаевичу Блинову, договорилась с ним о встрече, потом связалась с Зарубиным, который пообещал прислать нового сотрудника Антона Сташиса туда, куда Настя скажет, и тогда, когда ей будет удобно. Распланировав остаток дня, она покинула офис детективного агентства и отправилась к следователю.

Несмотря на заверения Стасова о том, что он со следователем Блиновым обо всем договорился, Николай Николаевич встретил Настю сухо и почти официально, всем своим видом давая понять, что присутствие частного детектива в радиусе километра от официального следствия совершенно неуместно и, более того, незаконно. Но данное накануне слово нарушать он все-таки не стал, хотя обставил свое согласие на Настино участие в расследовании массой оговорок и ограничений. Впрочем, все эти оговорки и ограничения были понятны Насте Каменской с самого начала, она была к ним готова и ничего неожиданного от Николая Николаевича не услышала.

– Финансовые документы я из театра изъял, буду плотно работать с главным бухгалтером. Сейф худрука мы вскрыли, бумаги все забрали. Буду вызывать чиновников из Департамента культуры, Минкульт, на всякий случай, тоже потрясу, в общем, дел невпроворот. Операм я дал задание покопаться внутри семьи, там тоже надо поискать. Но скорее всего, причина покушения лежит в области деловых отношений на высоком уровне, так что в театре, как я считаю, делать вообще нечего. Но если тебе так охота...

– Это не мне, – осторожно встряла Настя, – это Вавилову, брату жены Богомолова.

– Ну и черт с ним, – сердито отозвался Блинов. – Все равно для порядка надо и в театре информацию собирать, хотя, на мой взгляд, это пустой номер. Еще один опер с территории разрабатывает линию убийства из хулиганских побуждений и шерстит местную шпану, Зарубин помогает мне с деловыми отношениями, а ты с пацаненком сиди в театре, может, научишь его уму-разуму. И посмей только скрыть от меня хоть одно слово, хоть самый маленький фактик, я тебя урою по самое не балуйся, а у Стасова твоего лицензию отнимут. Ты никто, звать тебя никак, и полномочий у тебя никаких нет. Поняла, сыночка?

– Поняла, папаня, – засмеялась Настя.

Надо же, она совсем забыла эту его смешную приговорку, а ведь когда-то, впервые услышав сакраментальное «Поняла, сыночка?», да еще с ударением в слове «поняла» на первом слоге, она долго смеялась, а потом еще несколько дней фыркала, вспоминая слова следователя Блинова. И ведь не так много времени прошло с тех пор, как они в последний раз вместе работали по делу, всего-то года полтора, а уже все забыто, и кажется, что это было в какой-то совершенно другой, прошлой жизни.

Театр просыпался. Всю ночь он спал крепко, и даже шаги охранника и дежурного пожарного его не тревожили, к этим шагам он привык и давно перестал их слышать. Накануне давали искрометную комедию, публика хохотала, и настроение у Театра было превосходным. Комедии он любил, особенно гротесковые. Еще одним достоинством вчерашнего спектакля были довольно простые декорации, которые убрали уже через час после того, как опустился занавес. Сцена стояла пустая, декорации аккуратно составлены в «карман», и всю ночь Театр дышал свободно, полной грудью. А то, бывает, не разберут декорации, оставят на утро, вся сцена забита, и Театру в такие ночи казалось, что ему нечем дышать и что-то давит на грудь и голову. Даже не давит, а распирает изнутри.

Но этой ночью он спал спокойно и сны видел радостные, потому что после комедийных спектаклей во всех помещениях, словно плотный дым, стояла аура веселья и удовольствия. Это приподнятое настроение буквально клубилось по зрительному залу с сиденьями, накрытыми на ночь огромными полотнищами, пряталось в проемах между лепным и выдвижным порта-

лами, поднималось к падукам и выше, к самым колосникам. И от этого и сон был крепким, и сновидения – легкими.

Без четверти семь лязгнул замок – открыли запертые на ночь двери служебного входа, и в десять минут восьмого Театр уловил знакомые тяжелые шаги: уборщица Маруся. Фамилии ее Театр не понимал, но слышал, что другие уборщицы называли ее именно так, Марусей, а Владимир Игоревич Бережной называл ее странным словом «Матлюба». Что это слово означало, Театр не знал, но подозревал, что что-то уважительное, потому что Владимир Игоревич, директор-распорядитель, вообще такой человек, добрый, внимательный, работников Театра любит и относится к ним с уважением. Но до чего же тяжела походка у Маруси-Матлюбы! Женщина вроде небольшая, миниатюрная даже, худенькая, а ходит так, что у Театра все внутри дрожит, и в самых дальних закутках эта дрожь отдается. То ли дело Зиночка из бухгалтерии, вот уж она ходит – не ходит, а летает, ногами пола не касаясь, а ведь дама корпулентная, весит не меньше центнера.

А еще Театр очень любил кошек, не всех, конечно, всех-то он и не видал никогда, а их родных, собственных, театральных, и тех, что прибились к зданию и живут в нем, и тех, что живут у артистов и приходят в гости. Ну, не сами, конечно, приносят их хозяева, но все равно получается «в гости», и Театр всегда этому радуется, потому что приходят кошки в гости именно к нему, к Театру. А как же иначе? Все люди стремятся в Театр «зачем-то»: либо работать, либо удовольствие получать, развлекаться. А вот кошки и коты, которых приносят хозяева, являются именно что в гости к самому Театру, потому как ни работы у них тут нет, ни спектаклей им никаких не надобно. Ходят и трутся себе об углы. И тот факт, что к Театру, как к живому существу, приходят гости, поднимало настроение и придавало ему ощущение собственной значимости и равнозначности людям.

На самом деле «в гости» к Театру ходили только двое: кошка Эсмеральда, хозяйкой которой была известная актриса Арбенина, и ее сыночек, котик по имени Гамлет, которого принес старинный друг Арбениной актер Пантелеев Степан Кондратьевич, милый старикан, проработавший в этом Театре всю жизнь и преданный ему всей душой. Только Гамлета что-то не видно, потому что Степан Кондратьевич умер, в фойе даже портрет его висел в траурной рамке и с некрологом, а Гамлет с тех пор больше не появлялся. Где он? Как он там, бедолага? Тоже, наверное, как и Театр, горюет по старому актеру. Гамлет... Смешной такой кот был, белоснежный, как и мамочка его Эсмеральда, пушистый до невозможности, но, как и мамочка, с характером. Только если у Эсмеральды характер выражается в том, что она мало кого любит и мало кому позволяет себя брать на руки, то есть избирательная такая кошечка, привередливая, то Гамлет жуть какой обидчивый, на него даже не так посмотришь – и все, он уже в депрессии, уже не трется бочком и щечкой об углы в помещениях, а забивается у Степана Кондратьевича в гримерку под гримировальный столик, морду в пол и болеет. И еще Гамлет на дух не выносил спиртного и постоянно скандалил со своим хозяином, который это дело очень уважал и частенько позволял себе. Нет, конечно, не в день спектакля, а так... Степан Кондратьевич Театру до того предан был, что приходил чуть не каждый день, независимо от того, есть у него спектакль или репетиция или нет. А спектаклей и репетиций с каждым годом становилось все меньше и меньше... Не любил художественный руководитель Театра старого актера, да он почти всех стариков не любит, кроме Арбениной да еще парочки корифеев. Ну и пожалуйста, Театр в ответ тоже худрука Богомолова не жаловал. А чего его жаловать, скажите на милость, если он, кроме своей обожаемой классики, ничего путного ставить не хочет? Ведь как хорошо: комедия, бурлеск, гротеск, танцы, песни, блески, дым, музыка грохочет, зал взрывается хохотом и аплодисментами! Красота! И у Театра настроение хорошее, и у людей, которые в Театр пришли, тоже. И актеры радуются, потому что играть страдание всегда тяжело, а играть комедию – весело. Еще лучше – когда вообще все непонятно. И пусть даже это не комедия, пусть пьеса про серьезное, даже, черт с ним, пусть это будет классика, но чтобы авангардно,

чтобы новаторски, необычно, актеры на веревках из-под падуг спускаются или проваливаются в люки, исчезают и снова появляются, а еще Театру очень нравились декорации, похожие на абстрактную живопись. Одним словом, чем непонятнее и загадочнее, тем лучше. Вот он слышал, как когда-то, много лет назад, обсуждали постановку «Трех сестер» в Театре на Таганке, так это ж одно удовольствие послушать! Жаль, что нельзя было посмотреть... Жесткий ритм военного марша, такого порой громкого, что голосов артистов не слышать, железный задник в виде обветшалого иконостаса, по которому льется вода, зеркальная стена, увеличивающая пространство, перекошенная пластика актеров – все кричит о разрухе и перепутанности мира, в котором истинные страдания неумолимо соскальзывают в шутовской балаган. Вот это спектакль так спектакль, нынешним не чета!

Очень давно, за несколько лет до Октябрьской революции, построили здание для Театра варьете. Потом началась смута, Гражданская война, а в середине двадцатых годов здание, к тому времени запущенное и полуразрушенное, привели в порядок и устроили там театр, которому дали название «Новая Москва». Искусство принадлежит народу. Искусство в массы, и все такое. Спектакли ставили революционные, пропагандистские, новаторские, старались, чтобы искусство молодой страны Советов ничем не напоминало классический театр, процветавший при царизме-империализме. Театр, который за несколько дореволюционных лет привык к краскам, яркости, музыке, бурлеску и всеобщей радости и веселью, принял новые постановки с энтузиазмом, ему все нравилось, он считал, что театр должен быть именно таким и никаким другим, но, собственно, никакого другого он и не знал.

Потом, после войны, мода на авангард как-то поутихла, стали ставить отечественную и зарубежную классику и современные идеологически выверенные пьесы, ставили строго, по Станиславскому и Немировичу-Данченко, без того, что так нравилось Театру и к чему он привык за годы своего существования. Все было очень серьезно, очень по правде, очень жизненно, правдоподобно. И Театр откровенно заскучал. Не было праздника. Не было...

Наконец, в семидесятые годы, пришел тот режиссер, которого Театр ждал: новатор, не боящийся смелых экспериментов, веселый, неординарный, талантливый и яркий. Театр ожил. Никакой тебе классики, больше похожей на документальное кино, когда показывают заседание парткома или революционную действительность, никакой скуки, никакой монотонности, все разнообразно, смешно и непонятно. Или очень серьезно и даже грустно, до слез, но все равно малопонятно, только пробивается сквозь сукно кулис смутное ощущение трагичности и невосполнимости потери, закамуфлированное странными и чудными образами текста, костюмов, декораций и актерской игры.

Театр с момента своего создания жил ощущением, что вот сейчас занавес раздвинется – и начнется чудо. С приходом нового режиссера это чудо вернулось в жизнь Театра, и снова появилась тайна, и снова возникло предвкушение волшебства.

А потом режиссер умер, и пришел на его место скучный Богомолов, который не только стариков не уважает и людей за людей не считает, но и ставит не то, что Театру нравится. Понятное дело, ему надо кассу собрать, билеты продать, чтобы на вырученные деньги заплатить всем зарплату, купить материалы для оформления новых спектаклей и вообще решить множество финансовых вопросов. Но ведь прежний режиссер как-то это все решал, а скучно не было... Впрочем, тогда была советская власть, и все деньги шли из бюджета, а теперь сам черт ногу сломит, прежде чем разберется, откуда какая копейка взялась. Может, он и неплохой, этот Богомолов, но не любил его Театр, не любил – и все тут. В конце концов, главный человек в Театре – это артист, потому что именно он выходит на сцену, и именно он доносит до зрителя все то, что имели сказать автор пьесы и режиссер. Если не будет артиста, то, хоть ты сто раз нобелевский лауреат в области литературы, никто твою пьесу на подмостках не увидит, и хоть ты тысячу раз лауреат премии «Золотая маска», но без актеров ни один режиссер свой замысел не воплотит. Так что будьте любезны актера уважать, любить его и потакать всем его

капризам, потому что без него ничего не будет. Вообще ничего. Никаких театров, никаких драматургов и режиссеров, и даже членам жюри, которые премии распределяют, тоже делать будет нечего. Так-то вот.

Однако почти неделю назад с худруком Львом Алексеевичем Богомоловым случилась беда. Кто-то ударил его бейсбольной битой по голове, проломил череп, и теперь художественный руководитель театра «Новая Москва» лежит без сознания, а весь Театр гудит и обсуждает, кто мог это сделать и что теперь будет дальше. Вернется ли Лев Алексеевич к работе? Если да, то кто был его любимчиком, так им и останется, а кого он не замечал, того замечать и не начнет. Это – если вернется. А если нет? Если останется глубоким инвалидом и работать в Театре не сможет? Кто его заменит? И кто тогда станет «любимой женой падишаха», а кто отправится в изгнание? Лев Алексеевич репетировал новую пьесу, теперь работу продолжает очередной режиссер Семен Дудник, молодой, амбициозный, как нынче говорят – креативный. Означает ли это, что, если не вернется в театр Богомолов, его место займет Дудник? Маловероятно. Театр ничего не слышал о том, чтобы у Семена были какие-то поддерживающие связи наверху, а без связей кто ж тебя назначит? Сколько бы таланта у тебя ни было, не те сейчас времена, чтобы по таланту назначали. В нынешнее время на любую должность назначают по кумовству и nepотизму. Слово «nepотизм» Театр выучил относительно недавно в ходе репетиций одной современной пьесы и весьма гордился новым приобретением своего не очень-то богатого лексикона.

В основном обитателей Театра интересовало, «что будет дальше». А вот Театр больше интересовался вопросом, «кто это сделал и почему». Он был дальновидным, этот старый Театр, и прекрасно понимал, что от ответа на второй вопрос напрямую зависит ответ на первый, а никак не наоборот. Взять хотя бы того же Дудника для примера. Мог он совершить покушение на Льва Алексеевича? Да, конечно же, мог. Чего ему не смочь-то? Молодой, здоровый, сильный мужчина, и выгода ему прямая, не будет над ним висеть хамоватый и грубый самодур худрук-директор, а глядишь, и сам худруком станет, если повезет. Только если это он Богомолова битой ударил, так не в кресло худрука-директора сядет, а совсем в другое место. Вот и выходит, что от того, кто «шляпку спер», зависит и ответ на вопрос: «Кто тетку пришил?» Не бывать Дуднику худруком, если он преступник. Так что, прежде чем думать о том, что будет дальше, надо знать, кто преступление совершил.

Поэтому Театр с особым вниманием прислушивался и присматривался к тому, что происходит в связи с расследованием.

А происходило что-то невнятное. Сначала приходили какие-то мужчины, которые сидели подолгу в кабинетах художественного руководителя и директора-распорядителя, потом они ушли и забрали с собой много всяких бумаг. Театру было странно, что эти чужие люди сидели в кабинете Богомолова, которого не было, его положили в больницу, и вызывали туда других работников Театра и о чем-то с ними беседовали. Театр даже попытался было прислушаться к этим беседам, но они все были скучные, про одно и то же, и слушать он перестал, только наблюдал и старался делать выводы. Но выводы никак не делались.

А сегодня пришел только один из этих чужих мужчин, самый молодой, и с ним какая-то женщина, которую Театр раньше никогда не видел.

Настя Каменская сидела в своей машине перед зданием театра «Новая Москва» и ждала Антона Сташиса. Так получилось, что она приехала почти на двадцать минут раньше оговоренного времени, потому что маршрут от дома до театра был для нее новым, и правильно рассчитать время ей не удалось. Она немного опустила стекло, в которое немедленно начал просачиваться сырой прохладный ноябрьский воздух, закурила и решила использовать время до встречи со Сташисом для того, чтобы еще раз вспомнить и систематизировать информацию, которую Антон ей изложил накануне, когда они встречались на Петровке.

Художественный руководитель, он же директор театра «Новая Москва» Лев Алексеевич Богомолов вечером перед покушением, 6 ноября, в субботу, находился в другом театре на юбилее известного и любимого всей страной актера, которому исполнилось 75 лет. Праздновали пышно, было много гостей: артистов, режиссеров, журналистов, искусствоведов и прочих людей, имеющих отношение к театральному искусству. Закончилось все банкетом. Лев Алексеевич возвращался домой поздно, он был не за рулем, поскольку банкет предполагал спиртное, его подвозил один из гостей, у которого была служебная машина с водителем. Лев Алексеевич попросил остановить машину не около своего подъезда, а у соседнего дома, и дальше пошел пешком. Почему? Кто его знает. В принципе довольно странной выглядит ситуация, когда человек возвращается домой в три часа ночи и почему-то не доезжает на машине до подъезда, а выходит раньше. Для чего? Прогуляться захотел? Глупо, ведь очень поздно и потому опасно. Или были какие-то другие причины? Но важно одно: ни тот, кто подвозил Богомолова, ни водитель не могли видеть, что произошло возле подъезда. А там Льва Алексеевича ударили бейсбольной битой по голове и проломили череп. Было это около трех часов ночи. Время установлено приблизительно, поквартирным опросом выявлен свидетель, который примерно в два пятнадцать – два двадцать возвращался домой и никого у подъезда не видел, а патрульная машина, проезжавшая по маршруту ровно в три ноль семь, обнаружила лежащего на земле Богомолова и вызвала наряд и «Скорую». По показаниям жены Богомолова, все ценные вещи остались при нем, часы, бумажник – все на месте, то есть на ограбление не похоже. Это могли быть местные отморозки, которые просто увидели не совсем трезвого, хорошо одетого мужчину и решили вступить с ним в диалог, но диалог почему-то не состоялся. Или у них мог быть умысел на грабеж, но им что-то помешало, не исключено, что они заметили все ту же патрульную машину. Но если это не местные пацаны и не случайные грабители, надо искать мотивы для убийства. Конечно, очень соблазнительной была лежащая на поверхности версия, что на Богомолова напал тот, кто его подвозил, либо один, либо вместе с водителем, и на самом деле Лев Алексеевич вышел у самого подъезда, а эти два свидетеля нагло врут, что высадили его раньше и ничего не видели. Ах, как соблазнительно было раскрыть преступление по горячим следам! В этих двоих вцепились мертвой хваткой, но ничего не вышло. Ни мотива для убийства у них не было, ни даже самого крошечного расхождения в показаниях.

А биту, которой ударили Богомолова, нашли неподалеку, в мусорном контейнере. Она вся пропахла бог весть чем, и посторонней грязи на ней было немало, но эксперты все равно пообещали сделать все, что смогут. Главное, на что надеется следствие, это микроволокна одежды преступника, с которой наверняка соприкасалась бита, а уж на потожировые следы, не говоря о пригодных к идентификации следах пальцев рук, надежда теперь совсем слабая. Осень, ноябрь, холодно, тот, кто держал биту в руках, наверняка был в перчатках. Хотя еще может и повезти, если биту эту преступник держал голыми руками. Но результатов экспертизы придется какое-то время ждать...

Версия о том, что Богомолова могли попытаться убить из-за наследства, тоже критики не выдержала. У Льва Алексеевича были мать, жена Елена, а также дочь от первого брака Ксения, девятнадцати лет, но не было никаких особых средств, на которые могли бы рассчитывать наследники. Жил он более чем скромно, в плохонькой двухкомнатной квартирке в панельной девятиэтажке, а все деньги, получаемые в качестве гонораров за постановки, тратил на то, чтобы респектабельно выглядеть в глазах окружающих, то есть на одежду, часы и хорошую обувь. Даже автомобиль у него был средненький, на более дорогую машину средств не хватало. Так что наследство Богомолова измерялось одной только дешевой квартирой, убивать ради которой смысла никакого не было: квартира находилась в собственности жены Елены, а больше у Богомолова ничего и нет: ни недвижимости, ни счетов в банках.

Антон вместе со следователем уже общался с директором-распорядителем Бережным, режиссером Дудником, с главным бухгалтером. Следователь изъясил кучу финансовых докумен-

тов и теперь с ними разбирается. Но до нынешнего момента весь сбор информации в основном проходил вне театра: общались с женой Богомолова, с чиновниками Минкульта и Департамента культуры, с друзьями, с худруками других театров. Собственно, инициатива Зарубина привлечь Настю продиктована именно тем, что в самом театре собирать информацию очень сложно, штат – около 200 человек, из них труппа – 48 человек, а еще руководство, администрация, бухгалтерия и кадры, технические службы, рабочие сцены, бутафоры, костюмеры, гримеры, осветители, билетеры, уборщицы, гардеробщицы, вахтеры, пожарные, и каждый может оказаться обиженным и особо мстительным. Разговоры с Бережным и Дудником строились вокруг одного: нет ли у них подозрений, не знают ли они, кто мог до такой степени обозлиться на Богомолова, что попытается его убить. Они ничего не знают. В качестве подозреваемых их самих никто пока не рассматривал. Если исходить из того, что виновный может оказаться сотрудником театра, то надо каждого рассматривать как подозреваемого и разговаривать уже совсем по-другому.

– Доброе утро, – послышался голос, и Настя вздрогнула.

Она так глубоко задумалась, что не заметила подошедшего к ее машине Антона Сташиса, высоченного красивого парня, которому, по ее прикидкам, еще не исполнилось тридцати лет.

Машинально она взглянула на часы и с удивлением обнаружила, что Антон появился ровно без десяти десять, как они и договаривались. А ей показалось, что она давно сидит в машине и времени уже гораздо больше, и Настя собиралась устроить молодому сотруднику выволочку за опоздание. Но никакого опоздания не случилось.

– Центральные двери еще закрыты, пойдемте, я покажу вам, где служебный вход, – сказал Антон, подавая ей руку, чтобы помочь выйти из машины.

Насте с трудом удалось скрыть удивление. С каких это пор оперативники подают дамам руку? Или теперь их этому специально обучают? В ее времена молодые опера больше напоминали веселых парней из соседнего двора, а не рафинированных джентльменов. И одет этот Сташис странно! Настя еще накануне, когда они встречались на Петровке, отметила его костюм с сорочкой и галстуком. Вот уж совершенно нетипично для сотрудника уголовного розыска, никто на ее памяти так не одевался, кроме руководства отдела, да и то в тех случаях, когда на них не было милицеской формы. А так в основном рабочий вид сыщика – джинсы, свитер, куртка. И удобно, и немарко, и прилично, и движений не стесняет в случае чего, хоть в ресторан иди, хоть по подвалам и чердакам лазай.

Они обогнули здание театра и подошли к двери служебного входа. Вахтерша молча кивнула Антону, видно, она его уже встречала. Настя, по давней привычке все считать, мгновенно прикинула: ну да, если вахтеры работают по графику «сутки через трое», то в прошлый раз смена этой женщины приходилась как раз на понедельник, 8 ноября, когда к делу о покушении на Богомолова подключили работников с Петровки. А вот охранник в униформе с эмблемой частного охранного предприятия явно другой, Антона прежде не видел и кинулся было строго спрашивать, кто они и зачем пришли, однако вахтерша что-то тихонько сказала ему, и охранник отступил.

Настя и Антон разделись здесь же, в служебном гардеробе, и пошли по длинному безликому коридору с множеством дверей.

– Ну, с кого начнем? – спросила она.

– А кто есть в театре, с того и начнем, – беззаботно ответил Сташис. – Сейчас десять часов. Я уже примерно представляю себе, как строится день в театре. К одиннадцати актеры придут на репетицию, к этому же времени появится и Дудник, а вот директор-распорядитель должен уже быть на работе.

– Стало быть, с него и начнем, – решила Настя. – Вы не против?

– Я всегда за, – рассмеялся Антон. – Только имейте в виду, к нему еще придется высидеть очередь, потому что к Бережному каждый бежит со своими проблемами и у него вечно толпа в приемной.

– Ничего, как-нибудь прорвемся. А вам, Антон, надо учиться быть нахальным. Очень пригодится. Ведите.

Они прошли до конца коридора, свернули на служебную лестницу, поднялись на второй этаж, и Антон подвел ее к приемной директора-распорядителя Бережного. Приемная, как он и обещал, оказалась полна народу, но Настя решительно подошла к секретарю – холеной, приятного вида даме лет сорока пяти, – и уже через минуту сыщики стояли в кабинете директора-распорядителя.

Кабинет Насте сразу понравился – просторный, но казавшийся тесным из-за огромного количества находящихся в нем предметов. Кроме того, визуально пространство сужалось еще и за счет того, что все стены были увешаны какими-то полочками, плакатами, афишами и схемами. Собственно, именно схемы и привлекли ее внимание, схемы Настя любила. А тут на стене висел огромный лист бумаги, расчерченный на графы и строки, в каждой колонке написано название спектакля. И еще Настино внимание привлекла коллекция фигурок с изображением различных кошек, стоящая на низеньком, притиснутом к стене столике. Кошки были веселые, расписные, озорные, в костюмах и с музыкальными инструментами в лапках. Коллекция радовала глаз и сразу создавала атмосферу какой-то отеческой доброты и вообще несерьезности.

Владимир Игоревич Бережной, высокий, стройный мужчина с длинными ногами, широкими плечами, густыми, красиво поседевшими волосами и аккуратной бородкой, стремительно поднялся им навстречу. «Неужели бывают директора с такой внешностью? – с изумлением подумала Настя. – Ему бы актером быть, героев-любовников играть, а он распоряжается починкой крыши и туалетной бумагой».

– Я думал, вы больше к нам не придете, – радушно улыбнулся он Антону. – Вы же, кажется, обо всем уже спросили, даже документы изъяли.

– Мы, Владимир Игоревич, спрашивали в тот раз про деловые конфликты, а теперь вот вместе с Анастасией Павловной будем разбираться с конфликтами творческими, – объяснил Антон.

– А вы, Анастасия Павловна, наверное, следователь? – проявил догадливость Бережной.

Настя смешалась. Говорить правду не хотелось, да она и с Блиновым условилась, что об участии частного детектива никто знать не будет, а то скандалов не оберешься, поэтому уклончиво ответила:

– Я вместе с Антоном работаю, мы с ним коллеги.

– Неужели? Я и не знал, что такие элегантные дамы работают сыщиками. Я к вашим услугам, задавайте свои вопросы, но, ей-же богу, не представляю, что интересного могу вам рассказать. Мы люди мирные, творческие, таких конфликтов, из-за которых можно убить, у нас не бывает. Вы же понимаете, самый острый конфликт я сам могу сгладить, на это я тут и посажен.

– Ну а вообще конфликты бывают? – настойчиво спросила Настя, краем глаза заметив, что Антон достал диктофон, включил его и положил на стол перед собой.

– Конечно, – кивнул Бережной, – постоянно бывают, но они мелкие, как в любом театре и в любом коллективе. Не такие, из-за которых убивают, – повторил он.

– Например, какие?

– Ну, унесенный ключ от гримерки, гвоздик, вбитый в туфли, подмена реквизита или вообще его упрятывание...

– Минуточку, – остановила его Настя. – Пожалуйста, каждый пункт из перечисленного – поподробнее. Я в театре в первый раз, не удивляйтесь, если мне многое покажется непонятным.

Бережной улыбнулся и весело пояснил, что одна актриса, чтобы напакостить другой, унесла после спектакля ключ от их общей гримуборной с собой, а не оставила на вахте внизу, как положено. На следующий день вторая актриса явилась, как предписано правилами внутреннего распорядка, за тридцать минут до начала первого акта, а ключа нет. И где он – неизвестно. А ей ведь и переодеться надо, и загримироваться. Пока выясняли, где ключ, искали дубликат, прошло время, ей через три минуты на сцену выходить, а она не готова. Костюмеры-одевальщицы костюм на нее натягивали буквально на ходу, в кулисах последнюю пуговицу застегивали, а с гримом она так и не успела и все первое действие думала только о том, как плохо выглядит, – тона на лице нет, глаза не нарисованы, губы не накрашены, прическа не сделана. И главное: во втором акте она не может выйти с другим лицом, сюжет не позволяет. Так и доигрывала спектакль с осознанием собственной некрасивости. Да еще и злость, и невозможность собраться перед первым выходом... В общем, играла она в тот день плохо, так что пакость вполне удалась. А та актриса, которая унесла ключ, на другой день делала кругленькие глазки, била себя в грудь и клялась, что она не нарочно и что чувствует себя ужасно виноватой.

Был случай, когда актер вбил другому актеру гвоздик в сценический ботинок. Аккуратненько так вбил, на первый взгляд и не заметно совсем, а острое торчит и подошву ноги ранит в кровь. Сделал он это перед самым спектаклем, когда костюмы и обувь уже, что называется, «заряжены», то есть костюм-то актер надел в гримуборной, а ботинки стоят в кулисах, он их перед самым выходом на сцену надевает. Вот подходит он в кулисы за две минуты до своего выхода, стоит спокойненько, с помрежем шуточками перекидывается, потом в последнюю секунду быстро сует ноги в ботинки и шагает на подмостки. Каждый шаг – искры от боли из глаз сыплются. А что делать? Не выйти нельзя – ему на сцене уже реплику подали. Надо доигрывать, никуда не денешься. Ну, можно себе представить, как «легко и вдохновенно» он играл!

Есть и такие хулиганы, которые с реквизитом балуются. Реквизитор все, что требуется для спектакля, на столик в кулисах выложит в определенном порядке, только отвлечется на секунду – и уже кто-нибудь из таких вот хулиганистых меняет предметы местами или вообще убирает и прячет. Актер настроится, подготовится к выходу, протянет руку, чтобы взять то, с чем он должен выйти, а там этого нет – или лежит в другом месте, или совсем не лежит. Приходится или судорожно искать этот предмет, или быстро думать, чем и как заменить, бывает, что и без реквизита выходят и начинают импровизировать на ходу. Хорошо, если пропавший предмет не игровой, то есть в действии непосредственно не участвует, например, персонаж должен выйти с тростью и поставить ее в угол. Больше трость ни для чего не нужна. Ну, выйдет он без трости, невелика важность. А вот если это письмо, которое он должен прочесть по ходу действия? Или шкатулка с деньгами? Или, как вариант, шкатулка-то на месте, а деньги из нее кто-то вынул. И что получается на сцене? Анекдот вместо драмы.

– Да таких баек можно сотни рассказать, только ведь не убивают из-за этого, – снова настойчиво повторил Бережной. – В общем, актеры – они же как дети и балуются чисто по-детски. Могут во время спектакля реплику не дать, а партнер ждет и теряется. И со всем этим они бегут или к завтруппой, или прямо ко мне, а мое дело – всех успокоить и помирить. И в любом случае, такие стычки не имеют никакого отношения к художественному руководителю театра.

Настя бросила взгляд на Антона и вдруг поняла, что он вряд ли слышал то, что рассказывал директор. Взгляд у молодого человека был отсутствующим, каким-то стеклянным, погруженным внутрь. И это он так собрался работать, преступление раскрывать? Хорошо, что хоть диктофон включить догадался, а то девяносто процентов информации, считай, потеряно. И хорошо, что Настя, по старой привычке, все конспектирует в блокноте. Нет, поистине на этого молодого опера нет никакой надежды. И зачем только Сережка Зарубин подсунил ей этого Антона?

– Ну а посерьезнее? – пытливо спросила Настя, которую рассказанные Бережным истории изрядно развлекли. – Такие конфликты, которые вы как директор-распорядитель разрешить не можете? Неужели ничего такого не бывает?

Владимир Игоревич тяжело вздохнул и неожиданно лучезарно улыбнулся.

– Вот я вам расскажу самое серьезное, что было за последнее время, и вы сами убедитесь, что из-за этого все равно никто убивать не станет.

История, которую поведал Насте и Антону директор Бережной, касалась той самой пьесы «Правосудие», которую в данный момент репетировали. В театр пришел никому не известный драматург Артем Лесогоров и принес пьесу. Принес, как и полагается, помощнику худрука по литературной части Илье Фадеевичу Малащенко. Малащенко пьесу прочел и автору решительно отказал: по его мнению, пьеса была топорной, корявой и совершенно неумелой, что и неудивительно, учитывая профессиональную подготовку автора: он был не литератором, а журналистом. На этом все могло бы и закончиться, но не таков оказался Артем Лесогоров. Его следующий визит состоялся всего через пару дней после отказа, но нанесен этот визит был уже не завлиту Малащенко, а художественному руководителю – директору Льву Алексеевичу Богомолу.

На этот раз пришел Лесогоров вместе со спонсором, который выразил готовность полностью оплатить все расходы по постановке пьесы и, кроме того, внести солидный взнос на развитие театра. Богомол тут же позвал Бережного поучаствовать в переговорах, спонсор задал простой вопрос: «Сколько?» – Бережной быстро прикинул в уме, сколько денег нужно театру, чтобы поставить «Правосудие» и еще пару других пьес, и назвал сумму, которая была безоговорочно принята. Но миновать такую стадию, как худсовет, было невозможно, и на худсовете Малащенко с пеной у рта доказывал, что «Правосудие» никуда не годится, а Богомол в весьма резких и грубых выражениях отвечал в том духе, что, дескать, завлит ничего не понимает в художественно-творческой политике театра и не чувствует потребностей современной публики. Крик стоял невыносимый, после этого у Малащенко случился сердечный приступ, и он оказался в больнице. А Богомол сделал по-своему и пьесу Лесогорова к постановке принял. Он, конечно же, видел, что пьеса откровенно слабая и неумелая, но тут были два существенных обстоятельства. Первое: на спонсорские деньги Богомол мог себе позволить поставить свою любимую классику, он давно уже примеривался к «Вассе Железновой» Горького и к «Бесприданнице» Островского. А во-вторых, Артем Лесогоров оказался на редкость милым парнем без всяких амбиций и ложной фанаберии, он отдавал себе отчет в том, что его творение далеко от совершенства, и выразил полную готовность внести, под чутким руководством Богомола все необходимые изменения и произвести любую переделку. Ставить «Правосудие» Богомол взялся сам лично, хотя современных пьес не ставит, но уж больно большие деньги предложил спонсор, а в эти деньги заложен и весьма высокий гонорар режиссеру-постановщику. В деньгах же Лев Алексеевич нуждался. И ведь самое главное в том, что завлиту Богомол не потрудился объяснить причины своей заинтересованности, а повел разговор так, будто Малащенко ничего не понимает и не видит художественной ценности пьесы. Конечно, это был удар по профессиональному самолюбию завлита, и какой удар! Не мудрено, что он свалился с приступом. Потом-то ему, конечно, все разъяснили, но это ведь было потом, а яичко, как известно, дорого ко Христову дню.

– Ну и что вы мне скажете на это? – завершил свой рассказ Владимир Игоревич. – Что Малащенко мог из-за этого скандала попытаться убить Льва Алексеевича? Чушь несусветная!

Да, действительно, все это походило именно на чушь, и именно на несусветную. Но кто же пытался убить худрука Богомола!

Настя внезапно испытала непонятно откуда взявшееся раздражение. Неужели Бережной вызвал в ней такое неприятное чувство? Она прислушалась к себе и в этот момент услышала нежное треньканье. Вот оно! Именно этот периодически раздающийся звук ее и раздражал –

на телефон Антона постоянно приходили эсмэски. Ну, теперь понятно, почему он так невнимательно слушает, небось девицы одолевают, вот он о них и думает. Ясное дело, о чем еще может думать такой красавчик в костюмчике. То-то она заметила, что он постоянно поглядывает на часы, небось договорился со своей пассией созвониться в определенное время, так она его теперь сообщениями бомбардирует, а он нервничает и мечтает о сладких минутах нежного свидания. Да, попался ей напарничек...

– У меня к вам еще два вопроса, – сказала Настя, закрывая блокнот.

– Давайте первый, – радушно отозвался Бережной.

– Меня все мучает любопытство, что это за схема у вас на стене висит.

– Эта? – обернулся Бережной указывая на расчерченный лист. – Это так называемая параллель. В первой колонке идет название спектакля, а во второй – те спектакли, в которых не заняты артисты, играющие в спектакле из первой колонки.

– А зачем это нужно?

– Чтобы знать, какие спектакли в какой день можно играть на двух площадках одновременно, очень удобно, особенно когда планируются гастроли.

– А в третьей колонке что?

– А в третьей колонке спектакли, которые можно давать еще и на третьей площадке, если возникнет такая необходимость. Эту колонку я называю не «параллель», а «трилель». Я ответил на ваш вопрос?

– Вполне.

– Тогда давайте второе, что вы хотели спросить.

– Где мы можем расположиться? Работа в театре нам предстоит большая. И с людьми побеседовать надо, и записи сделать, и обсудить собранную информацию. Что-то вроде штабного помещения. Найдется для нас такое?

– Пойдемте, – кивнул Бережной.

Они снова отправились по длинным переходам, в которых Настя моментально запуталась и поняла, что дорогу назад не найдет ни за что. Директор шел впереди, Настя с Антоном – следом, и Настя видела, как Сташис достал из кармана мобильник и на ходу просмотрел полученные сообщения. По его лицу она так и не поняла, обрадовался он или огорчился из-за того, что пропустил что-то важное. Перехватив ее взгляд, Антон только слегка улыбнулся, но не произнес ни слова.

В конце концов они вышли в фойе возле ложи бенуара, и Бережной открыл перед ними высокие массивные двери, на которых сияла табличка: «Художественный руководитель Богомолов Л. А.».

– Вот вам ключ, – сказал директор, – располагайтесь, кабинет в вашем распоряжении. Только курить здесь нельзя. Когда будете уходить, ключ сдайте на вахте.

– Вот как-то так примерно, – грустно заключил Ворон, закончив доклад. – Я дальше не стал смотреть, потому что основную задачу выполнил, про папашку твоего узнал и про бабушку тоже.

Известие о смерти Степана Кондратьевича Пантелеева окончательно добило и без того слабого и больного Кота Гамлета. Он уткнул морду в землю и надолго замолчал. Ворон и Камень тоже хранили скорбную тишину, уважая чувства своего нового товарища. Из трагического молчания Кота вывела Белочка, которая нашла-таки своего бельчонка и примчалась оказывать первую помощь больному. Она суежилась вокруг Кота, щупала ему живот и лапы, оттягивала слипшиеся веки, заглядывала в ушки и разбираала шерсть в поисках блох. Наконец общий масштаб разрушений был ею определен, и она приступила к лечению. Перво-наперво Белочка с помощью Ворона собрала целебные травы, и они вместе сплели некое подобие не то пеленок, не то бинтов, которыми обмотали несчастного больного. Теперь Кот Гамлет являл

собой нечто вроде травянистого кокона, из которого с одной стороны торчала голова, а с другой – ободранный клочковатый хвост.

Первые несколько часов после известия о смерти папеньки Кот стонал и жаловался на то, что ему очень плохо, потом Белочкины средства начали оказывать целебное воздействие, и он, пережив самые горестные минуты, вновь включился в разговор, хотя и слабым дрожащим голосом. Он в основном оказался в курсе расстановки сил в театре, особенно когда Ворон сказал, что было покушение на худрука, забеспокоился о бабушке, актрисе Арбениной, и о многих людях, которых он знал и которые его очень любили и очень зависели от Богомолова. Некоторые его подкармливали вкусеньким, и он был им благодарен. Некоторые очень уважали папеньку, и их он ценил. И вообще, он любил театр, любил там бывать, гулять, общаться и всячески проводить время. Папенька и Арбенина были из тех людей, для которых театр – это дом, это вся жизнь, они приходили туда независимо от наличия репетиций и спектаклей, и Кот с театром сроднился, поэтому его беды и невзгоды принимал близко к сердцу.

– Уважаемый Ворон, вы не могли бы еще раз слетать и посмотреть, как там и что? – умоляюще попросил он, слегка подрагивая ободранным хвостом. – Я так волнуюсь за бабушку и за Льва Алексеевича тоже переживаю, он хороший, он всех кошек театральных любит.

Ворону просьба Кота Гамлета не понравилась. Что он, в самом деле, мальчик на побегушках? Одно дело – историю смотреть вместе с Камнем, и совсем другое – выполнять капризы какого-то драного кота, который вообще неизвестно откуда тут взялся и требует к себе внимания! Белочка должна его лечить, а он, Ворон, удовлетворять его непомерное любопытство и служить у него на посылках. Тоже мне, нашел себе Золотую рыбку! Обойдется. Выразить эти сердитые мысли вслух в том виде, в каком они пришли ему в голову, у Ворона окаянства все-таки не хватило, но общий смысл своих чувств он донес до окружающих, правда, в несколько смягченном виде.

Камень, по обыкновению, проявил мягкосердечие и бесхребетность.

– Ворон, голубчик, ты же видишь, как Гамлет расстроен, как он переживает, а ему волноваться сейчас нельзя, он и без того ослаблен, ему нужны положительные эмоции. Не вредничай, дружок.

– Какие уж такие положительные эмоции у него будут, если я начну летать и смотреть про то, как бабкиного начальника по голове тюкнули, – вполне резонно возразил Ворон. – Одно сплошное расстройство для твоего Гамлета выйдет. И вообще, что это за манера: чуть что – на болезнь ссылаться? Этот Кот пытается мной манипулировать. Я не позволю подобным образом с собой обращаться, у меня тоже собственная гордость есть.

– А давайте детектив смотреть, – внезапно предложил Камень. – Про театр, про то, как режиссера чуть не убили. Тем более там уже сыщики появились. Интересно же!

– Я не понял, – тихонько промяукал Гамлет, – как это вы собираетесь смотреть детектив? У вас разве есть телевизор? Что, про мой театр уже кино сняли?

– Тьфу! – сердито плюнул Ворон. – Он еще и тупой, оказывается. Между прочим, ваше Датское Величество, тебе никто ничего смотреть и не предлагает, это наше с Камнем дело, что, когда и в каком виде смотреть. А твое дело – лежать и болеть, если поправиться не можешь.

– Мальчики, не ссорьтесь, – примирительно произнес Камень. – Если ты, Ворон, согласен смотреть детектив, то уже лети, пожалуйста, а я тут пока Гамлету объясню наши правила.

– Объясни, объясни, а то будет только мешать нам. И не забудь предупредить его, что у нас все строго, пусть дурацких вопросов не задает и идиотских требований не выдвигает. Назад смотреть, как все было на самом деле, не полечу, хоть вы меня застрелите, это против правил. И вперед смотреть, как всех поймали и разоблачили, тоже летать не собираюсь. Если его это устраивает, то пусть молча болеет и слушает, как я буду рассказывать. А если нет, пусть убирается куда подальше со своими переживаниями.

– Больно ты строг, батюшка, – улыбнулся Камень. – Ладно, я все сделаю, как ты велишь, лети, не беспокойся.

Это далеко не первый детектив, который Камень и Ворон собрались смотреть, и у них за много лет выработались определенные и непреложные правила: назад не летать, вперед не забегать. Главное не в том, кто и за что убил, для этого достаточно один раз слетать назад и все посмотреть. Главное – увидеть, как работают сыщики, и удастся ли им разоблачить преступника. По правде говоря, из всех детективов, которые они посмотрели, только в одном случае из десяти удавалось раскрыть преступление, во всех остальных сыщики терпели фиаско.

Ворон сердито взмахнул крыльями и взмыл ввысь. Камень посмотрел ему вслед и перевел глаза на лежащего перед ним Гамлета.

– Вы бы покушали, уважаемый Гамлет, вам надо сил набираться.

– Не хочу, – уныло простонал Кот. – Аппетита нет. Пить только очень хочется. Как вы думаете, Камень, я умираю?

– Почему это? – испугался Камень. – Вы поправитесь, обязательно поправитесь, надо только набраться терпения и строго выполнять все, что предписывает наша Белочка.

– А почему же у меня совсем нет аппетита? Наверное, это признак приближающейся кончины, – упорствовал Кот.

– Ну что вы, не надо так думать. Белочка говорит, что отсутствие аппетита при ваших болезнях и травмах – вещь совершенно нормальная. Аппетит вернется. А пока вам надо хотя бы пить. Тут неподалеку есть ручей, в нем вода очень вкусная, просто-таки живительная.

– Я не доползу, – проныл Гамлет. – У меня совершенно нет сил. Наверное, я скоро умру от жажды.

– А вы посмотрите, у меня за спиной должна быть большая лужа, уж до лужи-то вы доползете, – посоветовал Камень.

Гамлет начал ползти в указанном направлении и скрылся из поля видимости. Через довольно продолжительное время раздался его страдающий голос:

– Невкусно.

– Что? – не понял Камень.

– Вода в луже невкусная. Ее невозможно пить.

– Надо взять себя в руки, – строго произнес Камень. – Пусть вода невкусная, но все же это лучше, чем ничего. Пейте, Гамлет, пейте. И кстати, я хотел у вас спросить: а что, собственно говоря, имела в виду ваша бабушка?

Гамлет снова приполз на место, прямо перед глазами Камня.

– Я не понял, вы про что спрашиваете?

– Ну, ваша бабушка в разговоре с молодым артистом сказала, что ей совершенно очевидно, кто покушался на ее руководителя. И ничего не объяснила. Вы не догадываетесь, что именно она хотела сказать? Вы же в этом театре свой, должны знать, что стоит за ее словами.

– Ах, вы про это... – Гамлет небрежно дернул грязным хвостом. – Она Сеню Дудника имела в виду. Очень бабушка его не жалуется. Мне кажется, она будет только рада, если Сеню посадят в тюрьму. Она Богомолова любит, а Сеню – нет.

– А вы сами как считаете, мог он совершить это ужасное преступление?

– Люди – они такие, они все могут, – философски ответил Кот Гамлет.

– Ну, пойдемте искать следующих собеседников, – сказала Настя Антону.

Они вышли из кабинета художественного руководителя, дошли до двери, выходящей на служебную лестницу, и в задумчивости остановились.

– По-моему, мы рано отпустили Бережного, – заметил Сташис. – Надо было попросить его, чтобы он хотя бы раз провел нас по всему зданию и показал, где чьи кабинеты.

– Бесплезно, – махнула рукой Настя. – Тут все так запутано, что мы с одного раза все равно не разобрались бы. Придется искать методом тыка.

– А кого будем искать?

– Давайте попробуем начать с завлита, – предложила она. – Или, может быть, поищем главного администратора?

– Что-то я сомневаюсь, что он уже в театре, для главного администратора вроде бы рановато, – с сомнением произнес Антон. – Время его основной работы – вечер, когда идет спектакль. Мне сказали, что он приходит часа в три, не раньше.

Вечер, когда идет спектакль... А сейчас начало двенадцатого, и зрительный зал пуст, и фойе перед ложами тоже пусто, и трудно представить себе, как эту спокойную и торжественную тишину нарушат толпы зрителей, которые будут ходить здесь, разговаривать, смеяться, спешить в буфет или в гардероб, обсуждать увиденное на сцене. Тишина, царящая в фойе, показалась Насте хрупкой и какой-то дрожащей, словно ненадежной, готовой разрушиться в любой момент.

Она и разрушилась. Разрушилась звуком торопливых шагов. К Насте и Антону быстрой, но тяжеловатой походкой приближался невысокий подвижный человек лет сорока, симпатичный, с гладким лицом и с обширными залысинами.

– Здравствуйте, – добродушно и даже, кажется, радостно заговорил он. – Вы, наверное, наши гости из милиции?

Настя хмыкнула, а Сташис сдержанно улыбнулся. Всем бы таких гостей в дом!

– Ну что, растерялись? – понимающе тряхнул лысоватой головой мужчина. – И не мудрено, у нас такая планировка здания, что сразу не разберешься, потеряться легко. И вообще, у нас в театре все так сложно, как и в любом театре, вы сами ничего и никого не найдете, нужных людей не отыщете, у всех разный график работы. Если позволите, я буду вам помогать, я даже в свои выходные готов приходить и всюду водить вас за ручку. Давайте провожу вас. Да, я не представился: Федотов Александр, можно просто Саша. Работаю помощником режиссера.

«Надо же, как Гриша Гриневич, – подумала Настя. – Интересно, он такой же толковый и милый, как Гришка? Хорошо бы. Только что-то его готовность помогать вызывает у меня нехорошее чувство. Ладно, посмотрим».

Она, в свою очередь, тоже представилась, а за ней и Антон назвал себя и пожал руку помрежу Федотову.

– Так куда вас проводить?

Антон бросил на Настю вопрошающий взгляд, словно передавая ей право самой решать, куда идти.

– Да мы толком еще не решили, – призналась она. – Нам бы завлита повидать или главного администратора. Это возможно?

– Ну, Валерия Андреевича-то точно еще нет, он приходит попозже, а вот Илью Фадеевича я сегодня видел, он уже здесь, он вообще пташка ранняя.

– Валерий Андреевич – это кто?

– Это наш главный администратор, а Илья Фадеевич Малащенко – помощник художественного руководителя по литературной части, это официально его должность так называется, а вообще-то, если сокращенно, то завлит. Нет, без помощи вы тут определенно не разберетесь, и в коридорах наших запутаетесь, и людей не найдете. Ну да ничего, я вам помогу.

– Да как-то неудобно... Мы вас от работы будем отвлекать, – Настя изобразила смущение, хотя про себя уже решила, что помощь примет. Действительно, без сопровождающего, хорошо ориентирующегося в театре, им не обойтись. Но надо же лицо соблюсти!

– Помилуйте, что же неудобного? – всплеснул руками помреж. – Это ведь для общего дела, для общего, так сказать, блага. Кстати, как там это общее дело движется? Уже известно что-нибудь? Кто нашего Льва Алексеевича так...

– Пока ничего не известно, – сухо ответила Настя.

– Что, совсем-совсем ничего?

– Совсем ничего.

– Помилуйте, как же так? Несчастье с Львом Алексеевичем случилось шестого числа, а сегодня уже двенадцатое, почти неделя прошла, а у вас все еще ничего не известно. Как же вы там работаете?

– Как умеем, так и работаем. Так вы проводите нас к Малащенко? – В голосе Насти едва заметно зазвучал холодок, но, видимо, у помрежа Федотова со слухом было не очень-то, потому что этого холода он явно не услышал и продолжал гнуть свое.

– Да-да, конечно, пойдемте. И все-таки я не понимаю, столько дней прошло, а вы у нас в театре почти не показывались. Где же вы искали преступника?

– А вы считаете, что его обязательно надо искать здесь, в театре? – подал голос Антон.

Помреж смутился, осекся, даже как-то растерялся, что не укрылось от Насти. Странно, ведь Бережной с пеной у рта убеждал их, что в театре преступника искать бессмысленно, его здесь нет, а вот помреж Александр Федотов, судя по всему, думает иначе. Надо бы поговорить с ним поподробнее. Но не сейчас. Сейчас он еще весь под впечатлением того, что случайно сказал, и будет настороже. Надо сделать вид, что ничего не заметила, а с вопросами подступиться потом, когда он расслабится.

Длинные и бестолковые коридоры произвели на Настю удручающее впечатление. Федотов провел их через кулисы, объяснив, что так короче, и изнанка театра оказалась прозаичной и полностью лишенной того таинственного волшебства, которое в Настином представлении всегда было связано с понятием «театр». Стены обшарпанные, пол поцарапанный, а стоявшие и лежавшие в кулисах предметы показались старыми, пыльными и какими-то ненастоящими.

Антон пропустил Настю вперед, а сам отстал на несколько шагов. Она услышала, как он на ходу разговаривает по телефону, и невольно поморщилась, уловив обращенные к собеседнице слова: ласточка моя, зайка, солнышко, не скучай, вечером увидимся. Ну, ясен пень, прочел эсэмэски от своей девицы и теперь ей перезванивает. Неприязнь к оперативнику стала еще острее, хотя Настя изо всех сил пыталась ее притушить и уговаривала себя, что Антон – молодой парень и все совершенно естественно... Но все равно свинство, что он позволяет ей мешать ему. Почему он не скажет своей подружке раз и навсегда, чтобы не забрасывала его сообщениями, когда он на работе? Это непорядок.

Сташис закончил свои романтические переговоры, догнал Настю и пошел с ней рядом.

– А почему вы раньше не переговорили с Малащенко? – сердитым шепотом спросила она. – Ведь вы же проводили опросы здесь, в театре. А Малащенко все-таки руководство, он член худсовета. Как же вы мимо него прошли?

Антон объяснил, что, оказывается, он заходил к завлиту в кабинет и увидел, что это очень пожилой человек. По тому, как этот Малащенко посмотрел на Антона и как с ним разговаривал, стало понятно, что он его за человека не считает и разговор не получится. Антон слишком молод для этого. Поэтому Сташис ограничился только вопросом о том, когда Малащенко будет завтра, рассчитывая прийти к нему с кем-нибудь постарше. Например, со следователем или с Зарубиным.

– Ну конечно, – рассмеялась Настя, – со мной в самый раз. Сколько ему лет, этому Малащенко?

– По виду – за семьдесят.

– Ну ясно, я как раз по возрасту подхожу.

– Простите, кажется, я глупость сморозил, – виновато улыбнулся Антон.

– Ничего, – кивнула Настя, – я не обиделась, у меня с чувством юмора все в порядке.

По дороге Федотов оживленно и многословно рассказывал, что сейчас репетируется новая пьеса, которую он ведет, репетиции проходят каждый день, кроме выходного, когда не

играют спектакли и не проводят репетиции, хотя службы все работают. Выходной в театре во вторник, но он и в свой выходной готов приходить, чтобы быть для сыщиков гидом и помощником. А так у него следующий распорядок: приходит в половине одиннадцатого, потому что в одиннадцать начинается утренняя репетиция, которая длится обычно до двух часов дня, потом до пяти у него перерыв, и тут он полностью готов поступить в распоряжение доблестной милиции, а с пяти он начинает готовиться к вечернему спектаклю, если ведет его, а если не ведет, его рабочий день после репетиции заканчивается, и сыщики могут полностью им располагать. Настя, вспомнив то, что знала из разговоров с Гриневичем, все-таки не выдержала и спросила:

– Ведь помреж – это женская профессия. Во всяком случае, мне так говорили. Разве нет?

– Да, – согласился Федотов, – это так. Подавляющее большинство помрежей – именно женщины, мужчин на этой работе крайне мало. Вот у нас в театре три помрежа, из них две женщины и я. Но я свою работу люблю, она мне нравится, я на ней уже много лет, можно сказать, собаку съел, все свои спектакли знаю наизусть. Вы, кстати, пометьте себе где-нибудь на бумажке мой телефончик, я вас сейчас сдам с рук на руки Илье Фадеевичу, а вы, как освободитесь, звякните мне, я прибегу и заберу вас.

Настя посмотрела на часы и поняла, что что-то не так. Что-то не связывается. Ну, точно, Федотов сказал, что сейчас репетируется пьеса, которую он ведет, и репетиции проходят каждый день, кроме выходного, с одиннадцати до двух. Сейчас половина двенадцатого. Почему же он здесь, с ними? Разве он не должен быть на репетиции? Гришка Гриневич ей много раз говорил, что помреж, ведущий спектакль, должен присутствовать на каждой репетиции и все записывать. Странно.

– А у нас сегодня начало репетиции в двенадцать, – охотно пояснил Федотов. – У Семена Борисовича дела, он к одиннадцати не успевает, а ассистент не назначен, как-то не подумали заранее.

– Ассистент? – переспросил Антон. – Это кто?

– Ассистент режиссера назначается из числа опытных актеров, занятых в данном спектакле. Он может заменить режиссера на репетиции, если надо.

– То есть ассистент режиссера и помощник режиссера – это не одно и то же? – уточнил Сташис.

– Помилуйте, далеко не одно и то же, – рассмеялся Федотов. – Даже близко не лежит. Сходство только в том, что и тот, и другой присутствуют на репетиции, а потом и на спектакле. А задачи и полномочия совершенно разные. Вот мы и пришли. – Он заглянул в дверь с табличкой «Помощник художественного руководителя по литературной части», причем не вошел в нее, а только просунул голову. – Илья Фадеевич, вы на месте? А я к вам гостей привел, из милиции.

Илья Фадеевич Малащенко оказался пожилым человеком, невысоким и сухоньким, с густой гривой серебряных волос на неправильной формы черепе, с гладко выбритым лицом и живыми серыми глазами. Визит «гостей из милиции» его почему-то не воодушевил, и на вопросы он отвечал не очень-то охотно. Особенно ему не понравился диктофон, который Антон сразу же выложил на стол и включил.

– Зачем это? – недовольно спросил Илья Фадеевич.

– Для того чтобы не тратить ваше время, вы же человек занятой, – объяснила Настя. – Если я буду просто записывать в блокнот то, что вы нам расскажете, выйдет намного дольше. Вы давно работаете в этом театре?

– Сорок лет, с семидесятого года.

– Ну, значит, вы человек опытный и все здесь знаете. Скажите, пожалуйста, как в театре относились к Богомолу?

– Хорошо относились, – осторожно ответил завлит. – А что вы имеете в виду?

– Ну, например, кто мог на него затаить злобу?

– Да кто угодно. В театре очень много несправедливости. Но это не вина Богомолова, а особенность театра как такового, как живого творческого организма. Вы поймите, где творчество – там субъективизм, а где субъективизм – там, естественно, выползает несправедливость. Это нормально, и за это никогда никого не убивали.

– А на вашей должности конфликты возможны?

Малашенко чуть заметно улыбнулся и переложил толстый журнал из одной стопки на столе в другую.

– Конечно, на меня тоже обижаются. Вот, например, у одной старой актрисы был двойной юбилей – 75 лет и 50 лет творческой деятельности, она все ходила ко мне и просила, чтобы я подобрал пьесу, где для нее была бы главная или просто большая хорошая роль, а я не смог подобрать, ну нет ничего в современной драматургии, да и в классической тоже. Не Вассу же Железнову ей предлагать!

– А почему нет? – удивилась Настя. – Прекрасная роль для возрастной актрисы. Правда, Вассе, насколько я помню, лет сорок шесть, ну, максимум – пятьдесят, но это нормально, она родила девять детей, шестерых из них похоронила и должна выглядеть соответственно, уж во всяком случае, не молоденьким девочкам ее играть.

– Потому что Вассу будет играть Арбенина, когда Богомолов наконец приступит к этой постановке, – недовольным голосом пояснил Илья Фадеевич. – Он давно собирается поставить вариант 1910 года, а не 1935-го, как все другие, но для этого нужны большие деньги, ведь он хочет костюмный спектакль с дорогими декорациями. В общем, я, конечно, ходил к нему и предлагал поставить «Вассу» с актрисой-юбиляршей, но что он мне ответил, я вам повторить не решусь. В общем, пьесы к юбилею не было, и актриса на меня смертельно обиделась, получилось, что это я виноват, подходящую пьесу не нашел. До сих пор на меня дует, не разговаривает со мной. А где я возьму ей пьесу? Сам, что ли, напишу?

– А что, разве это проблема? – удивилась Настя. – Мне всегда казалось, что драматургов у нас много, не говоря уже о классике.

– Драматургов-то много, а что толку? Вы бы почитали, что они пишут! Ко мне десятками пьесы приносят, и на вахте оставляют, и прямо в кабинет прорываются, я и в Интернете ищу, и журнал выписываю «Современная драматургия», пьес они печатают много, а выбрать нечего. У них тенденция – пропагандируют современных молодых авторов, так называемую новую драму. Столько развелось драматургов и писателей для театров! А что они предлагают? Вот из этого журнала, – Илья Фадеевич взял со стола толстый журнал и потряс им перед Настей, – я ни одну пьесу не могу взять и предложить театру. Считаю, что ни одна не достойна. Мелкотемье, бытовуха и чернуха, сексуальные проблемы, проблемы гомосексуализма, ненормативная лексика – словом, то, что можно увидеть на улице и по телевизору. А с отечественными комедиями вообще нынче беда, совсем никто писать не умеет. Все-таки материал для театра должен быть несколько иным, цепляющим, проблемным. Вот и приходится добывать пьесы самому, искать, рыскать. Связи помогают, а еще есть Московское театральное агентство, там можно разжиться хорошей зарубежной пьесой. Только нашей актрисе-юбилярше все мои трудности ни к чему, она не хочет понимать, что я стараюсь изо всех сил и просто не могу подобрать что-нибудь достойное. Она хочет играть, а играть ей нечего. И кто виноват? Конечно, завлит.

Разговор как-то незаметно перешел на проблемы старых актеров и отношения к ним. Антон, к удивлению Насти, начал сокрушаться, как это несправедливо, что не уважают и не ценят стариков, вот у него, к сожалению, нет ни бабушек, ни дедушек, все давно умерли, а вот если бы они были, он был бы им замечательным внуком... Но Илья Фадеевич больше ничего интересного про конфликты с театральными старожилками не вспомнил. Или вспомнил, но не рассказал?

А Антон снова будто выключился из разговора, смотрит на Малашенко, а лицо такое, будто ничего не слышит. И глаза какие-то стеклянные. И на часы то и дело поглядывает.

Нет, определенно, телефонные переговоры с девицей на него плохо действуют. Может, они поссорились, и он теперь переживает. Хотя Настя сама слышала, как он называл ее «зайкой» и «солнышком» и обещал, что вечером они обязательно увидятся. Ну, вот, задумалась черт знает о чем и прослушала то, что рассказывает завлит. Тоже мне, профессионал называется. Хорошо еще, что диктофон включен. Настя мысленно обругала себя и задала вопрос про пьесу «Правосудие».

Завлит Малащенко рассказал про «кошелек на ножках» и молодого драматурга, про конфликт на худсовете. А вот про сердечный приступ и про то, что после худсовета он оказался в больнице, Илья Фадеевич отчего-то умолчал. Впрочем, его можно понять, человек в его возрасте не станет распространяться о своих недугах, если держится за работу и не хочет ее терять.

В целом Малащенко произвел на Настю впечатление человека колючего и закрытого. Странно, откуда взялось это впечатление? Вроде бы на все вопросы отвечал, не уклонялся, предложил чаю, от которого сыщики дружно отказались, разрешил Насте курить, то есть был вполне дружелюбен и гостеприимен.

Но все равно какой-то неприятный осадок остался.

Звонить помрежу Федотову они не стали, уже шла репетиция, но от кабинета Малащенко до служебного входа путь оказался совсем простым, Илья Фадеевич любезно показал им дорогу, и Настя с Антоном отправились в расположенное в соседнем с театром здании кафе выпить кофе и что-нибудь съесть. Народу в кафе оказалось совсем мало, заняты были только два столика из полутора десятков, и даже музыки не было, хотя обычно в подобных заведениях ее включают на такую громкость, что разговаривать невозможно.

Они сделали заказ, Настя попросила кофе и пирожное, Антон – чай и сандвич.

– Антон, я, конечно, вам не начальник, и не мое это дело, но мне кажется, было бы лучше, если бы вы поменьше отвлекались на телефонные звонки и сообщения, – осторожно заметила Настя. – Это мешает вам сосредоточиться. Вы не могли бы вопросы со своей дамой решать во внеслужебное время?

Антон сперва смущенно улыбнулся, потом открыто рассмеялся.

– Это не дама, это дочка.

Ничего себе! Сколько же лет этой дочке, что она эсэмэски умеет посылать? Антон-то сам еще пацан зеленый.

– Такая большая дочка?

– Восемь лет. А сыну – четыре.

– Так у вас двое? – еще больше изумилась Настя. – Вот никогда бы не подумала, глядя на вас. Вы совсем молодой. Вам-то самому сколько?

– Двадцать восемь.

Ну и ну, молодой, да ранний, женился, наверное, в девятнадцать лет, а то и в восемнадцать. Ай да Антон Сташис!

Антон тем временем полез в карман, достал телефон, пощелкал кнопками и протянул Насте. На дисплее она увидела фотографию двух очаровательных детей с очень красивой и, насколько Настя смогла разглядеть, дорого одетой женщиной. Все-таки систематические посещения Дашиного бутика даром для нее не прошли, теперь Настя Каменская худо-бедно, но разбиралась в брендах и ценах. На женщине одежда была стоимостью не в одну тысячу евро.

– Жена? – спросила она, разглядывая снимок. – Очень красивая.

– Нет, – спокойно ответил Антон, – это няня.

Ничего себе няни у современных сыщиков! Если она может себе позволить так одеваться, то сколько же Антон может позволить себе платить ей? Или у него жена богатая?

– Вы не сердитесь на то, что Васька все время мне сообщения шлет, я ее специально к этому приучил, – говорил между тем Сташис. – Она мне отчитывается о каждой оценке на

каждом уроке, о том, что вышла из школы, что пришла домой, что пообедала, что уроки села делать, что сделала их, что няня их со Степкой гулять повела.

– А зачем такой тотальный контроль? – не поняла Настя. – Дети же все равно с няней, если что – она вам сообщит.

– Пусть привыкает, что отец всегда рядом и знает о каждом ее шаге. Няня ведь что? Сегодня она есть, а завтра ее нет, жизнь есть жизнь. Дети должны привыкнуть к мысли, что отец знает обо всем. Мне так спокойнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.